

ДАНИЭЛА СТИЛ

Круг жизни

Миры Даниэлы

Даниэла Стил

Круг жизни

«Издательство АСТ»

1984

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Стил Д.

Круг жизни / Д. Стил — «Издательство АСТ», 1984 — (Миры Даниэлы)

ISBN 978-5-17-121433-3

Муж, безопасность, дом, дети – что во всем этом плохого? Восемнадцатилетней красавице Тане Робертс было бы трудно ответить. Она понимала лишь, что карьера для нее важнее замужества, даже если это идет вразрез с условностями и желаниями ее суетливой, чересчур заботливой матери. На протяжении бурных шестидесятых Тана следовала своему сердцу, куда бы оно ни приводило, и искала удовлетворения в своей очень успешной работе юриста, дружбе и мимолетных связях. Но однажды, совершенно неожиданно, она обнаружила в своей жизни зияющую пустоту, которую может заполнить только настоящая любовь...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-121433-3

© Стил Д., 1984

© Издательство АСТ, 1984

Содержание

Часть I. Начало	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Даниэла Стил Круг жизни

Danielle Steel
FULL CIRCLE

© Benitreto Productions, Ltd., 1984

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Часть I. Начало

Глава 1

Ветер пронизывал до костей, и Анри Робертс, направившийся в восточную часть города, прибавил шаг и поднял воротник пальто. Интересно, как отнесется к новости Джин. Два дня назад он принял наконец решение и подписал бумаги, не испытывая никаких сомнений, но когда пришел домой и взглянул жене в лицо, слова застряли в горле. Сегодня уже вторник, и сказать придется, больше тянуть нельзя – в субботу он уезжает в Сан-Диего.

А вот и небольшой дом из железистого песчаника. Под грохот поезда надземной железной дороги, проложенной по Третьей авеню, Анри поднялся по ступеням переднего крыльца. Они жили здесь меньше года, но к шуму проходивших поездов уже привыкли. Поначалу грохот действовал им на нервы, когда, тесно обнявшись, они сидели в гостиной. Их немудреная утварь подскакивала и гремела, когда по эстакаде проносился поезд, спать было невозможно, но прошло немного времени и они перестали обращать на это внимание. Анри даже полюбил их крохотное гнездышко, которое Джин содержала в идеальном порядке. Иногда она вставала в пять часов, чтобы успеть навести чистоту перед уходом на работу и испечь ему домашние пирожки с черникой. Она оказалась чудесной хозяйкой, даже лучше, чем можно было ожидать.

С этой мыслью он вставил ключ в замочную скважину. На площадке гулял ветер, два светильника вышли из строя, но, как только он переступил порог своего жилища, на него пахнуло домашним теплом и уютom. Глаз радовали накрахмаленные белые занавески, сшитые Джин из кисеи, симпатичный голубой коврик на полу, обтянутая заново мягкая мебель. Мебель они купили подержанную, но благодаря неусыпным стараниям Джин она блестела как новая.

Анри огляделся, и впервые после того как записался добровольцем, у него больно сжалось сердце, на глазах выступили непрошеные слезы: вернется ли он? Он тут же пристыдил себя: если не он, то кто? Если все будут так себя жалеть, то в один прекрасный день япошки прилетят сюда и начнут сбрасывать бомбы на Нью-Йорк, на их дом... на Джин.

Анри сел в кресло, обтянутое изумрудной тканью, и мысли его вернулись к тому, от чего хотелось бы уйти: о Сан-Диего, о Японии, о приближающемся Рождестве...

Он не мог бы сказать, сколько времени так просидел, пока его не вырвал из размышлений звук поворачивающегося ключа. Вот дверь распахнулась, и на пороге, с пакетами в обеих руках, он увидел Джин. В темноте она его не заметила, поэтому, включив в прихожей свет, вздрогнула от неожиданности. Муж сидел в кресле и с улыбкой смотрел на нее своими зелеными глазами, светлая прядь упала на лоб. Он был так же хорош, как и шесть лет назад, когда они познакомились: ему было семнадцать, ей – пятнадцать. Теперь ему двадцать три.

– О, дорогой! Ты уже дома? Что-то случилось?

– Нет, просто соскучился.

Анри поднялся, забрал все пакеты, и Джин с благодарностью и обычным для нее обожанием, которое испытывала к мужу, посмотрела на него своими большими темно-кариими глазами.

Да это было и понятно. Анри учился два года в колледже, на вечернем отделении, занимался легкой атлетикой, играл в футбол, пока не повредил колено, а в баскетболе ему и вовсе не было равных. Они познакомились, когда он был на втором курсе, и с того времени Джин буквально боготворила его. Да и было чем гордиться: он получил место агента в крупнейшей дилерской фирме, где занимался продажей легковых автомобилей марки «Бьюик».

Джин не сомневалась, что когда-нибудь он станет менеджером, а потом, возможно, продолжит учебу – они часто говорили об этом, но пока он и так приносил домой неплохие про-

центы с выручки. Постоянная нужда научила ее жить экономно, так что его деньги вкупе с ее заработком позволяли им сводить концы с концами. Родители Джин погибли в автокатастрофе, когда ей было восемнадцать лет, и с тех пор она содержала себя сама. К счастью, ей удалось еще до этого закончить курсы секретарей, и довольно-таки успешно: она была способной ученицей, – и вот уже почти три года, как она работает в одной и той же адвокатской фирме. Анри безумно гордится ею: Джин обшивает себя сама, а шляпки и перчатки выбирает очень придирчиво, изучив предварительно модели на витринах магазинов и посоветовавшись с мужем, поэтому выглядит всегда модно и эффектно.

Он с улыбкой наблюдал, как Джин стянула перчатки, сняла мягкую фетровую шляпу и бросила все на большое зеленое кресло.

– Как прошел день, любимая?

Если дома они вели себя как расшалившиеся щенята: щипались, толкались, кусались, – то на службе Джин, разумеется, держалась строго, как того и требовало положение секретарши. Время от времени он заглядывал к ней в офис: и она выглядела так, что он почти боялся ее. Вообще-то, именно такой она и была по натуре и лишь после свадьбы немного отошла, оттаяла.

Анри поцеловал жену в шею, пониже затылка, и вдоль позвоночника побежали мурашки.

– Подожди, дай уберу продукты... – Она многозначительно улыбнулась и попыталась забрать у него пакеты, но он отвел ее руки и поцеловал в губы.

– Продукты подождут.

– Анри, перестань... – прошептала Джин, в то время как его нетерпеливые руки уже стаскивали с нее тяжелое пальто и расстегивали блестящие черные пуговицы на пиджаке.

Пакеты с продуктами перекочевали на пол, а они стояли, тесно прижавшись друг к другу, слившись в жарком поцелуе. Наконец Джин, хватая ртом воздух, оттолкнула его голову, однако он не разжимал рук.

– Анри... что это на тебя нашло сегодня?

– Лучше не спрашивай...

Он загадочно ей улыбнулся, опасаясь проговориться, и зажал рот новым поцелуем. С нее как-то слетели пиджак и блузка, а следом и юбка, открыв белый ажурный пояс с резинками, панталончики и капроновые чулки со швом на умопомрачительных ножках.

Анри пробежал руками по крепким бедрам, крепче прижал ее к себе. Джин не сопротивлялась, когда он опрокинул ее на кушетку, и сама распахнула на нем рубашку. В этот момент послышался грохот поезда, оба засмеялись, а он пробормотал, расстегивая бюстгальтер:

– Черт возьми! Как всегда, вовремя. Знаешь, а мне эти звуки стали даже нравиться, – с улыбкой отозвалась Джин и поцеловала его.

Минуту спустя их тела слились так же тесно, как губы, и прошли, казалось, долгие часы, прежде чем они заговорили снова. У входной двери горел свет, а в гостиной, где они лежали, и в их маленькой спальне было темно, но Анри все равно почувствовал на себе пристальный взгляд жены.

– Мне кажется, ты что-то от меня скрываешь. Я все эти дни чувствую какую-то непонятную тяжесть в груди.

Анри не знал, что ей ответить: сегодня это было не легче, чем два дня назад, а к концу недели будет еще тяжелее, – и тем не менее сказать надо. Теперь он уже жалел о принятом решении и впервые за минувшие три дня вдруг усомнился, что поступает правильно.

– Даже не знаю, как тебе сказать...

Джин вдруг все поняла женским чутьем, и сердце ее тревожно забилося. Он не мог видеть в темноте взгляд ее широко раскрытых глаз на вмиг ставшем печальным лице. Именно таким оно было до замужества. Они были такие разные: Анри часто смеялся, сыпал шутками, остроумиями, постоянно придумывал что-то смешное. Жизнь обходилась с ним милостиво, не то что с Джин: ей жилось нелегко с самого раннего возраста. Жизнь с родителями-алкоголиками, сест-

рой, страдавшей эпилепсией, была не сахар. Джин было девять, когда сестра умерла, причем в одной с ней постели. Девочке пришлось учиться выживать чуть ли не с самого рождения, но жизнь ее не сломала, а скорее закалила. Анри знал, что со временем ее природный вкус к жизни должен раскрыться подобно цветку, который любовно выращивают и холят, и заботился об этом как умел.

Так было всегда, но сейчас он ничего не мог поделать.

– Я так и знала: ты идешь туда...

Он кивнул, и ее огромные темные глаза наполнились слезами.

– Не надо так, малышка, не плачь...

Анри почувствовал себя настоящим извергом, и не в силах видеть ее страдания, порывисто встал и вышел в прихожую, за сигаретами. Выудив из кармана пачку «Кэмела», он нервно закурил и рухнул в зеленое кресло, стоявшее напротив кушетки. Джин теперь уже рыдала, не пытаясь скрыть слез, но, взглядевшись в ее лицо, он не заметил ни малейшего намека на удивление.

– Я так и знала, так и знала, – всхлипывая, повторяла Джин.

– Я должен, малышка, пойми: должен..

Она хоть и кивнула, но легче от этого ей не стало. Прошло, как им показалось, несколько томительных часов, прежде чем она набралась мужества спросить:

– Когда?

Анри Робертс с трудом сдержал слезы: еще ни один ответ не давался ему с таким трудом.

– Через три дня.

Он видел, как она вздрогнула: ее душили слезы.

В последующие три дня нормальный ход их жизни нарушился. Джин отпросилась с работы, чтобы собрать его в дорогу, и доводила себя до иступления стиркой, штопкой, глажкой. Даже пирожков напекла, чтобы дать мужу с собой. Она трудилась не покладая рук с утра до самого вечера в надежде, что эти хлопоты облегчат им обоим тяжесть расставания, однако все было напрасно.

В субботу вечером муж потребовал наконец оставить все это: прекратить укладывать вещи, которые в армии не понадобятся, печь пирожки, которые он никогда не съест, и штопать носки, которые и вовсе не нужны, – обнял ее, и она залилась слезами.

– О боже! Анри, как я буду жить без тебя?

Когда он заглянул ей в глаза, внутри у него все оборвалось, но выбора не было: когда его страна воюет, мужчина должен выполнить свой долг. Хуже всего было другое: в те минуты, когда удавалось не думать о ее муках, им овладевало новое, еще не изведенное возбуждение. Он идет на войну, и другой такой возможности может никогда больше не представиться. Это было что-то вроде мистического ритуала, обряда посвящения в мужчины, и Анри чувствовал, что должен пройти через него.

Осознание этого пришло к нему в субботу вечером. Мучительно разрываясь между состраданием и патриотическим долгом, Анри почувствовал, что хочет поскорее покончить со всем этим и оказаться в поезде, который увезет его на запад. На Центральный сборный пункт надо было явиться к пяти часам утра.

Когда он вошел в спальню, чтобы переодеться в дорогу, Джин уже немного успокоилась и теперь показалась ему, несмотря на припухшие веки и покрасневшие глаза, смирившейся с неизбежным. Однажды она уже все потеряла. Анри – единственное, что у нее еще оставалось, и она согласилась бы скорее умереть, чем потерять и его, и вот теперь муж покидает ее.

– Ты сильная, ты справишься, правда, малышка?

Он сел на край кровати и в отчаянной надежде, что Джин успокоит его, хотя бы немного, посмотрел на нее. С грустной улыбкой она взяла его руку в свои ладони.

– Да куда ж я денусь?.. Но знаешь, о чем я молю Бога?

Еще бы ему не знать: чтобы муж остался дома. Будто прочитав его мысли, она поднесла его ладони к губам и поцеловала кончики пальцев.

– Да, но не только... Я надеюсь, что ты, уезжая, оставляешь меня беременной...

В волнениях последних дней они совсем забыли о необходимости предохраняться. Анри надеялся, что это были не самые опасные дни, но теперь засомневался.

Они всегда помнили, что решили не иметь детей – по крайней мере первые несколько лет, до тех пор, пока оба не подыщут более высокооплачиваемую работу. Не исключалось также, что Анри продолжит обучение, а это еще два года. Они еще очень молоды, так что с детьми можно было не спешить, но теперь все изменилось и вся их жизнь перевернулась вверх дном.

– Мне показалось, что в последние ночи у нас было как-то по-другому, – заметила Джин.

– Думаешь, что ты могла?..

Анри с тревогой посмотрел ей в лицо. Меньше всего ему хотелось оставлять ее одну в таком положении и мчаться бог знает куда, под пули.

Джин пожала плечами и с улыбкой заметила:

– Возможно... Я дам тебе знать.

– Дьявольщина! Только этого нам и не хватало!

Он помрачнел еще больше, с беспокойством взглянув на часы, стоявшие на столике у кровати: десять минут пятого. Ему пора уходить.

– Это вовсе не исключено, – повторила Джин и поспешно добавила, будто испугавшись, что не успеет сказать главное: – Пойми, Анри: я и в самом деле этого хочу. Очень...

– Именно теперь? – изумился он.

В маленькой спальне послышалось тихое, как вздох:

– Именно теперь.

Глава 2

Джин Робертс целыми днями сидела у раскрытого окна своей квартирki в надежде на желанную прохладу, но все здание, казалось, превратилось в адское пекло и августовский зной, поднимавшийся от расплавленных тротуаров, прокаливал стены, сложенные из песка-ника, насквозь. Единственное облегчение приносил ветерок от пронесившихся мимо поездов надземки.

Иногда она даже вставала по ночам с постели и садилась на ступеньки крыльца, чтобы хоть немного подышать прохладным ветерком, который поднимали мчавшиеся мимо поезда, или же сидела в ванной, закутавшись в мокрую простыню. От жары не было спасения: Джин порой казалось, что ее чрево того и гляди лопнет от натуги. Чем сильнее была жара, тем беспокойнее вел себя ребенок, словно знал, что творится снаружи, словно и ему не хватало воздуха.

При мысли о ребенке Джин улыбнулась: так хочется поскорее уже увидеть маленького, но до родов еще месяц. Джин так надеялась, что малыш будет похож на отца, который сейчас где-то в Тихом океане выполняет свой мужской долг: сражается с японцами, вернее – япошками, как писал Анри в своих письмах. Это слово покорило Джин: среди служащих ее фирмы была молодая девушка-японка, которая трогательно о ней заботилась: даже брала на себя часть работы и покрывала Джин, когда та была так слаба, что не могла двигаться. С огромным трудом добравшись до офиса, она неподвижно сидела за машинкой, опасаясь не успеть добежать до туалета, когда затошнит.

Ее не увольняли целых шесть месяцев – значительно дольше, чем обычно держат беременных, – что было весьма благородно со стороны работодателей, и Джин написала об этом мужу. Она посылала ему весточки каждый день, а от него получала не чаще одного раза в месяц. Анри слишком уставал, чтобы взяться за письмо, к тому же они доходили с большим опозданием. «Это не то что «бьюики» в Нью-Йорке продавать», – пошутил он в одном из своих писем. Он по-прежнему шутил, даже когда писал про скверное питание, про сослуживцев, пытаясь представить все лучше, чем это было на самом деле, чтобы не расстраивать Джин.

В самом начале, когда в один прекрасный день у нее не осталось никаких сомнений в своей беременности, она вдруг испугалась, хотя, провожая мужа, надеялась, что ребенок поможет ей перенести горечь разлуки. Ей было очень страшно в первые месяцы, стоило подумать об уходе со службы, одиночестве, безденежье. На какие средства она будет содержать себя и ребенка?

Джин помнила, как отреагировал муж на ее слова о возможности беременности, но после того как сообщила о свершившемся факте и получила в ответ восторженное послание, все снова представилось ей в розовом свете. К тому времени как пришло письмо, срок был почти пять месяцев и ее состояние немного стабилизировалось.

На досуге Джин занималась переоборудованием спальни в детскую. Стены она расписала яркими картинками, а на потолке изобразила белые облака. Увидав это, соседка по площадке отругала ее за то, что забралась на стремянку. Но как еще ей было убить свободное время? Джин не позволяла себе даже ходить в кино, чтобы не тратить ни одного лишнего пенни из своих сбережений и тех денег, которые получала за мужа. Все это предназначалось ребенку. Конверт для новорожденного она сшила сама – белый с желтыми лентами, – сама связала маленькие чепчики, башмачки, кофточки.

Когда деньги кончатся, ей придется искать няню и возвращаться на службу. Джин надеялась, что старенькая миссис Вайсман с четвертого этажа согласится посидеть с ее ребенком. Эта добросердечная старушка, что жила здесь уже много лет, пришла в восторг, узнав, что ее молодая соседка ждет ребенка, и стала навещать ее каждый день, а иногда и по вечерам, когда

не могла заснуть из-за летней духоты. Если у Джин горел свет, старушка запросто заходила к ней в гости.

Но в тот вечер Джин не включала электричество. Обессиленная нестерпимой духотой, бедняжка сидела впотьмах, тупо слушая стук колес пробежавших над головой поездов, до тех пор, пока те не перестали ходить – поздно ночью – и не возобновили свой бег уже под утро. Наблюдая восход солнца, Джин мечтала об одном: вдохнуть полной грудью. Это был один из тех особенно тяжелых дней, когда жара не спадала даже по ночам, когда не помогали и поезда и казалось, что того и гляди свалишься без чувств.

Около восьми утра она услышала стук в дверь и решила, что это пришла миссис Вайсман. С тяжелым вздохом Джин накинула розовый купальный халат и зашлепала босыми ногами к двери. Благодарение богу, осталось мучиться всего месяц: больше ей не выдержать.

– Привет!..

Ожидая увидеть перед собой соседку, Джин вымучила улыбку, но в дверях стоял, протягивая ей желтый конверт, незнакомый юноша в коричневой форме с галунами песочного цвета.

Джин покраснела, смутившись за свой вид, но тут же забыла о том, как выглядит, потому что слишком хорошо знала, что означает этот визит. Юноша взглянул на нее исподлобья, и ей показалось, что лицо его перекосилось, когда она, наконец справившись с шоком, молча взяла конверт и трясущимися руками его вскрыла. Да, она не ошиблась: оно то самое...

Она опять взглянула на вестника смерти, сосредоточившись на знаках отличия, нашитых на его форме, и вдруг, не успев вскрикнуть, рухнула к его ногам. Посыльный, совсем еще юный, лет шестнадцати, еще никогда не видел беременных так близко, поэтому в ужасе закричал, призывая кого-нибудь на помощь. Начали открываться двери на площадке, кто-то побежал вверх по лестнице, появилась миссис Вайсман с мокрым полотенцем, которое и положила на лицо Джин. Юноша оторопело попятился, мечтая лишь об одном – поскорее убраться отсюда.

Джин застонала, приходя в себя. Миссис Вайсман и две соседки подвели ее к кушетке – той самой, где они с Анри предавались любви, где она зачала дитя...

«С прискорбием сообщаем, что ваш муж... погиб за Отечество... в бою при Гвадалканале».

Убит в бою... в бою... У нее опять помутилось в голове. Соседки пытались привести ее в чувство, но она никого не узнавала. Женщины переглянулись, и миссис Вайсман прочла сначала сообщение сама, а потом передала соседкам. Джин приходила в себя медленно, пульс еле прощупывался. Ей помогли сесть и дали воды. Она тупо взглянула на миссис Вайсман – и вдруг все вспомнила. Конвульсивные рыдания сотрясли ее тело, не давая продохнуть, по щекам покатились слезы, и бедняжка, чтобы не упасть, принялась судорожно цепляться за все, что попадалось под руку.

«Он мертв... как все остальные, как мама и отец, как Руфь... он ушел, ушел навсегда... я больше никогда его не увижу...» Джин рыдала, точно малое дитя, на сердце у нее лежала неимоверная тяжесть: ничего подобного она не испытывала даже на похоронах родных.

– Успокойся, милая, все будет хорошо, – уговаривали ее соседки, заведомо зная, что ничего больше для нее не будет...

Немного погодя все разошлись, кроме Элен Вайсман: ей не нравился неподвижный взгляд Джин, застывшая поза, внезапные истеричные рыдания. Элен провела с ней весь день и только к вечеру отлучилась ненадолго к себе, но тут же вернулась, услышав ужасающие стоны. Дверь оставалась незапертой, она вошла и сразу позвонила врачу, наблюдавшему Джин. Доктор попросил миссис Вайсман передать пациентке его соболезнования и предупредил, что в результате потрясения у нее могут начаться преждевременные роды. Старушка и сама заподозрила это, когда заметила, что Джин то и дело давит на поясницу кулаками, то и дело вскаки-

вает и беспокойно мечется по своей квартирке, будто та вдруг сделалась мала для нее. Окружающий мир словно заколебался, готовый рухнуть, а бежать было некуда. Ей от мужа не осталось ничего, даже мертвого тела, чтобы похоронить, только память да дитя во чреве.

– Как ты себя чувствуешь? – участливо спросила Элен Вайсман.

Женщина прожила в Америке сорок лет, но так и не избавилась от своего немецкого акцента. Мудрая и добрая, она искренне сочувствовала Джин. Тридцать лет назад она тоже потеряла мужа и больше так и не вышла замуж. В Нью-Йорке жили трое ее детей, которые время от времени навещали ее – главным образом затем, чтобы подкинуть ей очередного ребенка, которому нужна была нянька. Еще один сын жил в Чикаго, имел приличную работу, но к матери приезжал нечасто.

– У тебя не схватки ли?

Она испытующе посмотрела Джин в лицо, но та отрицательно замотала головой. После кошмарного дня у нее все болело, однако как раз в области живота боли не ощущалось. Она не могла понять, что с ней происходит, поэтому не находила себе места, но когда боль сосредоточилась в пояснице, изогнулась дугой – так было вроде полегче.

– Со мной все в порядке, миссис Вайсман. Идите ложитесь, – прохрипела Джин севшим от беспрестанных рыданий голосом и взглянула на кухонные часы.

Прошло пятнадцать часов с момента получения злополучного письма... Всего пятнадцать часов, а ей показалось – пятнадцать лет... сотни лет. Она опять заходила по комнате.

Элен Вайсман не спускала с нее глаз.

– Хочешь, пойдем погуляем?

Джин отрицательно покачала головой. Даже сейчас, в одиннадцать часов вечера, было слишком жарко для прогулок – ее жгло как огнем.

– Мне бы выпить чего-нибудь холодного.

Она достала из холодильника кувшин с лимонадом, налила в стакан и выпила, но ее сразу затошнило и Джин кинулась в туалет, где ее вырвало. В желудке у нее было пусто, но приступы тошноты все не прекращались и миссис Вайсман сказала:

– Тебе надо прилечь.

Джин кивнула и легла, но стало еще хуже. Она перешла в старое зеленое кресло, но уже через несколько минут почувствовала, что и в нем неудобно: ныла поясница, болезненно тянуло живот.

В полночь Элен Вайсман ушла, взяв с Джин обещание позвать ее в случае необходимости. Джин выключила свет и в полной темноте предалась мыслям о муже, о своем Анри. Зеленоглазый блондин, звезда легкой атлетики, неукротимый футболист... ее первая и единственная любовь. Джин влюбилась в него по самые уши с первого взгляда... В ту самую минуту, как она подумала об этом, нестерпимая боль пронзила ее насквозь, потом еще и еще... Схватки повторялись одна за другой, не давая продышаться. Джин встала, шатаясь от слабости и дурноты, и кое-как добралась до туалета, где простояла почти час, уцепившись за раковину: режущая боль разрывала ее на части, позывы к рвоте выворачивали наизнанку. Измученная, едва живая, она принялась кричать и звать Анри. Такой и нашла ее Элен Вайсман: в половине второго ночи старушка решила все же навеститься к соседке, прежде чем лечь спать. В такие душные ночи мало кому удавалось заснуть, поэтому она долго не ложилась и возблагодарила Господа, когда увидела, в сколь плачевном состоянии пребывает Джин. Поднявшись к себе, миссис Вайсман позвонила врачу и в полицию. Ей обещали прислать «скорую» без промедления. Переодевшись в чистое ситцевое платье, старушка взяла сумочку и, как была в домашних туфлях, поспешила спуститься к Джин. Едва она успела накинуть на плечи роженицы халат, как раздались звуки сирены, но та, похоже, ничего не слышала: ее мучила тошнота, она жалобно стонала, и миссис Вайсман пыталась в меру сил облегчить ее страдания. Джин корчилась от боли и все звала Анри.

Едва ее доставили в Нью-Йоркский госпиталь, как начались роды. Акушерки поспешно уложили роженицу на каталку, не успев оказать ей никакой помощи, и скоро Джин разрешилась маленькой, пять с четвертью фунтов, но здоровой девочкой с черными как смоль волосами и крепко сжатыми кулачками. Малышка громко кричала, оповещая весь мир о своем появлении на свет. Примерно через час взглянуть на них позволили Элен Вайсман. Джин к тому времени дали успокоительное, и девочка тоже спала крепко.

Элен вернулась домой, но из головы у нее не шла Джин Робертс, овдовевшая в двадцать два года. Бедняжку ждет нелегкая жизнь с ребенком на руках, которого ей придется растить без мужа. Старушка смахнула слезы с морщинистых щек, и тяжело вздохнув, взглянула на часы: половина пятого. Мимо окон доходного дома прогромыхал ранний поезд надземки. Миссис Вайсман долго жила на свете и знала, сколько требуется самозабвенной любви, чтобы вырастить ребенка в одиночку. Эта любовь сродни любви к Богу, самоотверженной преданности святого отшельника. Только так можно поднять дочь, которая никогда не будет знать отца.

Джин увидела новорожденную лишь следующим утром, когда девочку принесли кормить. Едва взглянув на крохотное личико, на темные шелковистые волосики, которые, по словам акушерки, непременно изменятся, она материнским инстинктом поняла, что ей предстоит сделать для дочери. Джин, однако, не устрашилась, поскольку сама желала этого, ведь это ребенок Анри, последний его подарок, и она будет хранить его, беречь пуще жизни. Она сделает все возможное, чтобы их дочери было хорошо, отдаст за нее даже душу. Джин будет жить, дышать и работать ради нее одной.

Когда маленький ротик, похожий на розовый бутон, зачмокал и потянул молоко из ее груди, Джин улыбнулась новым ощущениям. Ей с трудом верилось, что прошли всего сутки с тех пор, как сообщили о смерти Анри.

– Видать, у нее хороший аппетит. – В палату вошла сестра в белом накрахмаленном халате и такой же шапочке. – А папа вас уже видел?

Глаза Джин наполнились слезами, она отрицательно покачала головой, и сестра ласково похлопала ее по плечу, так и не поняв, почему отец не видел новорожденную дочь, а мать плачет.

– Как вы хотите ее назвать? – решила сменить тему сестра.

Они с Анри обсуждали это в письмах и, наконец, сошлись на одном женском имени, хотя оба ждали мальчика. После пережитого в первый момент удивления, близкого к разочарованию, Джин теперь казалось, что девочка несравненно лучше и что они с мужем отдавали ей предпочтение с самого начала. Что ни говори, а природа все устраивает наилучшим образом. Если бы родился мальчик, она назвала бы его Анри – в честь отца, а для девочки выбрала красивое женское имя. Интересно, как оно звучит для других? Джин взяла дочь на руки, глаза ее засияли гордостью.

– Ее зовут Тана Андреа Робертс. – Она помолчала, словно пробуя это слово на вкус, потом произнесла еще раз, прислушиваясь к его звучанию: – Тана...

Когда Джин закончила кормить, сестра с улыбкой забрала у нее крохотный сверток, другой рукой привычно поправила постель и сказала:

– Теперь отдохните немного, миссис Робертс. Я принесу вам Тану, как только проголодается.

Когда дверь за ней закрылась, Джин откинулась на спину и смежила веки, стараясь не вспоминать о муже и сосредоточиться на ребенке. Ей не хотелось гадать, как умер Анри, страдал ли, вспоминал ли ее перед смертью: из груди рвались рыдания. Она повернулась и впервые за многие месяцы легла на живот, уткнувшись лицом в подушку. Прошел не один час, когда ей удалось наконец заснуть. Вся в слезах она во сне видела молодого мужчину с волосами цвета спелой ржи, которого любила, и ребенка, которого он ей оставил.

Глава 3

Джин Робертс всегда снимала телефонную трубку сразу, после первого звонка. Она работала здесь уже двенадцать лет, и за эти годы управления огромным предприятием у нее выработался четкий и эффективный стиль. Когда ей исполнилось двадцать восемь, а Тане – шесть, Джин вдруг почувствовала, что не в состоянии проработать больше ни одного дня в адвокатской фирме. За шесть лет она сменила три места работы, одно скучнее другого, но там хорошо платили и она мирилась со своим положением – ради Таны. Дочь у нее всегда была на первом месте, только для нее вставало и заходило солнце.

«Ты не даешь ребенку даже вздохнуть самостоятельно», – сказала как-то одна из сослуживиц, и этого было достаточно, чтобы навсегда испортить с ней отношения. Джин была уверена, что поступает правильно. Она водила Тану в театры, музеи, библиотеки, картинные галереи, на концерты: всюду, куда только могла, – и тратила свои скудные средства на образование дочери, ее развлечения, ни в чем ей не отказывая. Пенсию, что получала за Анри, всю до последнего пенни, она сберегала для дочери. Девочка не росла избалованной: просто Джин хотела, чтобы у ее ребенка имелось все, чего она сама была лишена в детстве и юности. Теперь она уже и припомнить не могла, как они проводили свободное время с Анри, но, будь он жив, они наверняка брали бы напрокат лодку и отправлялись в залив Лонг-Айленд, чтобы учить Тану плавать и собирать раковины моллюсков, или отправлялись в парк бегать по дорожкам и кататься на велосипедах... Анри, конечно же, боготворил бы хорошенькую белокурую девочку, свою копию, с озорной отцовской улыбкой в глазах.

Медсестра оказалась права: черные шелковистые волосы сменились светлыми кудряшками, а те с годами превратились в роскошный каскад густых золотистых прядей цвета спелой ржи. Девочка была прелестная, и мать гордилась ею. Когда Тане исполнилось девять лет, Джин с помощью Артура Дарнинга, ее хорошего друга и любовника, удалось перевести ее из обычной государственной школы в частную, принадлежащую миссис Лоусон. Это была замечательная возможность для Таны получить хорошее образование. Дети самого Дарнинга – двумя и четырьмя годами старше Таны – учились в Гринвиче в самых что ни на есть привилегированных заведениях.

Место менеджера досталось Джин совершенно случайно. К тому времени она уже два года работала в адвокатской конторе «Поп, Медисон и Уатсон» секретаршей. Работа была смертельно скучная, но платили ей, сверх всяких ожиданий, очень неплохо. Да и не могла она позволить себе искать что-то более интересное: надо было думать о дочери. Джин заботилась о ней денно и ночью, вся ее жизнь замыкалась на Тане. Случилось так, что за консультацией к старшему компаньону Мартину Попу и обратился Артур Дарнинг. Джин два месяца присутствовала на их встречах по долгу службы, и однажды он пригласил ее в бар.

Жена Артура Мэри в то время находилась в одной из частных клиник Новой Англии, и ему явно не хотелось говорить на эту тему, а Джин не настаивала: у нее и своих проблем хватало. Она вообще не имела привычки плакаться в жилетку: рассказывать о погибшем муже, о том, как тяжело воспитывать ребенка в одиночку, об ответственности, заботах и страхах, но Артур Дарнинг, похоже, понял все без лишних слов. Он возглавлял одну из крупнейших транснациональных компаний по производству изделий из стекла и пластмассы и изготовлению упаковочной тары, а также владел большой долей акций предприятий по добыче нефти на Среднем Востоке. Будучи человеком чрезвычайно богатым, он не кичился этим, а держался просто и дружелюбно, что очень импонировало Джин.

Честно говоря, ей в нем нравилось все, и поэтому, вскоре после первого свидания в баре, он пригласил ее пообедать, она согласилась. Потом последовало еще одно приглашение, и еще, и так у них завязался роман. Это был потрясающий мужчина, Джин таких еще не встречала.

Будучи очень ранимым, он умел создать вокруг себя ауру спокойствия и силы. Джин знала, что Артур несчастлив в семейной жизни: как-то раз в порыве откровения он проговорился об этом. Его жена после вторых родов пристрастилась к спиртному. Джин хорошо понимала, что это значит, поскольку все детство ее прошло с пьющими родителями, которые закончили жизненный путь в аварии на обледеневшей дороге в канун Нового года, будучи пьяными. Мэри тоже разбила машину, но в ней сидели школьники, которых она взялась развезти по домам. Одну из девочек буквально вытащили с того света: их дочери Энн Дарнинг и ее одноклассницам было тогда по десять лет. После этого случая Мэри согласилась отправиться на лечение, однако Артур не питал особых надежд на успех: в свои тридцать пять она лет десять страдала хроническим алкоголизмом. Артур страшно от нее устал, поэтому не было ничего удивительного в том, что увлекся Джин. Эта двадцативосьмилетняя женщина буквально покорила его: держалась с редким достоинством, просто, без кривляний, не давила на жалость, – но в то же время проявляла истинное участие. А как раз в этом Артур нуждался сейчас больше всего. Но что делать с этим чувством? Они с Мэри в браке уже шестнадцать лет, у них двое детей; как быть с ними, с домом, со всем укладом их жизни? Все выглядело очень неопределенным и ненадежным; Артур Дарнинг не привык и не хотел так жить. Поначалу он не приводил Джин к себе домой, чтобы не травмировать детей, но они встречались почти каждую ночь и как-то само собой вышло, что Джин начала заботиться и о них: наняла двух горничных, сменила садовника, который исполнял свои обязанности из рук вон плохо, организовала несколько небольших деловых приемов, устроила детский утренник на Рождество, помогла Артуру выбрать новый автомобиль. Она даже отпросилась на несколько дней с работы, чтобы сопровождать его в деловой поездке. И скоро выяснилось, что она руководит всей его жизнью, а он не может ступить без нее ни шагу. Все чаще Джин спрашивала себя, что это означает, хотя в глубине души понимала: они влюблены друг в друга, и как только Мэри поправится настолько, чтобы адекватно воспринимать происходящее, супруги разведутся и они с Артуром поженятся...

Однако вместо предложения руки и сердца он через полгода предложил ей работу. Джин не знала, как к этому отнестись: работать у него ей не хотелось, ведь они любили друг друга. А по его словам выходило, что эта работа открывает перед ней перспективы, о которых она сама давно уже мечтала. Джин будет заниматься все тем же, что и в последние шесть месяцев: организовывать приемы, нанимать слуг, следить, чтобы дети были должным образом одеты, чтобы обзаводились хорошими друзьями и имели заботливых нянь, – только уже не в порядке дружеской услуги, а за деньги. Артур считал, что у нее потрясающий вкус; ему и в голову не приходило, что на себя и Тану она шьет сама, что сама обтягивает мебель в своей квартирке. Они с дочерью по-прежнему жили в доме из железистого песчаника, рядом с надземной железной дорогой, проходившей по Третьей авеню, и Элен Вайсман все так же присматривала за Таной, когда Джин уходила. Если согласиться на предложение Артура, то можно будет отдать Тану в приличную школу и переехать в другое жилище: на Верхневосточной стороне у него есть дом. «Это, конечно, не Парк-авеню, – сказал ей Артур со своей обычной сдержанной улыбкой, – но несравненно лучше, чем Третья». А когда он назвал ей сумму жалованья, она чуть не умерла от разрыва сердца. И это при том, что работа не представляла для нее особого труда.

Будь Джин одна, ей, возможно, и удалось бы устоять перед искушением, поскольку очень не хотелось быть ему обязанной, – но, с другой стороны, это означало, что она все время будет рядом с ним, когда Мэри вернется... Секретарша в «Дарнинг интернэшнл» уже была, а для Джин предназначался небольшой отдельный кабинет позади конференц-зала, примыкавший к шикарному, отделанному деревом кабинету патрона. Она будет видеть его ежедневно, сделается необходимой ему... К этому идет дело.

«Какая тебе разница?» – говорил Артур, убеждая ее принять его предложение, соблазняя новыми благами и прибавкой к жалованью, поскольку уже зависел от нее, нуждался в ней; косвенным образом нуждались в ее заботах и его дети, хотя еще ни разу ее не видели. Впервые

в жизни он мог на кого-то положиться, тогда как раньше все всегда полагались на него. В его жизни наконец-то появился человек, к которому можно обратиться за помощью и который никогда не подведет. Он много думал над этим и решил, что Джин должна быть всегда рядом с ним. Все это Артур высказал ей в постели – в ту ночь, когда в очередной раз умолял взяться за эту работу.

В конце концов она согласилась, хоть и не без внутренней борьбы: выбор был слишком очевиден. Теперь она отправлялась на работу после проведенной с ним ночи, и жизнь ее превратилась в сплошную сказку. Энн и Билли уже привыкли к ночным отлучкам отца; в доме у него теперь был полный порядок, и Артур мог не беспокоиться о детях. В первое время после отъезда матери они тосковали, а теперь и думать о ней забыли. Когда же отец познакомил их с Джин, им показалось, что они знали ее всегда. Она водила их вместе с Таной в кино, покупала им игрушки, развозила их одноклассников по домам, когда наступала очередь, беседовала с учителями, посещала школьные спектакли. Уезжая из города, Артур мог быть уверен, что она присмотрит за его детьми даже лучше, чем он сам.

Ее новая квартира располагалась в современном добротном доме, из гостиной открывался вид на Ист-Ривер. Новое жилье отличалось от старого как небо и земля, хотя и не было бог знает каким шикарным: две спальни, гостиная, столовая, симпатичная кухня.

Как-то вечером, глядя на Артура, сейчас похожего на холеного кота, устроившегося перед камином, Джин сказала с улыбкой:

– Знаешь, я никогда еще не была так счастлива и так спокойна.

– Я тоже, – улыбнулся ей в ответ и Артур.

А через несколько дней все изменилось. До Мэри Дарнинг дошли слухи, что у мужа интрижка, и она решила вернуть себе утраченное. Состояние ее вдруг резко ухудшилось, и доктора стали поговаривать, что лучше бы ей побыть дома. К этому времени Джин проработала у Артура уже больше года. Тана радовалась новой школе, новой квартире, новой жизни не меньше, чем мать, и вдруг все это оказалось под угрозой.

Артур поехал навестить Мэри и вернулся чернее тучи.

Джин боялась что-либо спросить: просто испуганно смотрела на него широко открытыми глазами. Ей уже исполнилось тридцать лет и хотелось прочного положения, уверенности в будущем. Не может же их связь до конца жизни оставаться тайной! Она мирилась со своим двусмысленным положением только потому, что Мэри была больна, и это беспокоило Артура. Всего неделю назад он наконец сделал Джин предложение, а теперь смотрел на нее с таким мрачным выражением лица, словно для них не осталось никакой надежды.

– Мэри заявила, что, если я не заберу ее домой, она покончит с собой.

– Как она может! Это же самый настоящий шантаж.

Джин едва не разрыдалась: жена имеет возможность шантажировать мужа и пользуется этим.

Через три месяца Мэри вернулась домой, но к Рождеству опять попала в больницу; весной снова выписалась и продержалась до осени. Потом начался ад: она стала пить запоем вместе со своими друзьями, – продолжался он более семи лет.

Когда она в первый раз приехала из больницы домой, Артур был так растерян, что попросил Джин о помощи, сославшись на то, что жена плохо соображает. Она не смогла отказать и из любви к нему оказалась в незавидном положении любовницы, вынужденной ухаживать за женой. Два-три раза в неделю она проводила дневные часы в Гринвиче, где помогала Мэри по хозяйству. Та вовсе не хотела этой помощи. Все, включая детей, знали, что она пьет. Сначала они огорчались, потом Энн ее возненавидела, а Билли впадал в истерику, когда она напивалась. Это были кошмарные сцены. Через несколько месяцев Джин почувствовала себя в таком же безвыходном положении, в каком находился Артур: не могла оставить Мэри, отпустить от себя

– это было все равно что бросить на произвол судьбы родителей. Ей казалось, что она сможет справиться с недугом Мэри.

Но жизнь распорядилась иначе. В тот роковой вечер Мэри отправилась на машине в город, где собиралась встретиться с Артуром и вместе пойти на балет. Джин могла поручиться, что женщина была трезва, когда садилась за руль, но, похоже, спиртное у нее было с собой. Машина перевернулась на скользком участке дороги близ Меррит, на полпути до Нью-Йорка. Смерть наступила мгновенно.

Оба любовника благодарили судьбу, что Мэри так и не узнала про их связь, но на свое несчастье, Джин успела к ней привязаться и так плакала на похоронах, будто потеряла родного человека, а потом несколько недель не могла лечь в постель с Артуром.

Их связь длилась уже восемь лет, и он начал с опаской подумывать, что скажут Энн и Билли, когда обо всем узнают. В любом случае нужно было подождать, пока не пройдет год, как сказал он Джин, и та была с этим согласна: он по-прежнему проводил с ней много времени, был заботлив и внимателен, – так что жаловаться не на что. Она лишь боялась, как бы Тана ничего не заподозрила.

Однако по истечении года после смерти Мэри, когда мать завела с ней разговор, девочка накинулась на нее с резкими обвинениями:

– Не считай меня совсем глупой: я все понимаю. – Тана, высокая и статная, как отец, с задорными огоньками в глазах, теперь кипела негодованием. – Он поступает с тобой как с уличной девкой, и это продолжается уже много лет. Почему он не женится на тебе, вместо того чтобы приходить, точно вор, по ночам?

Джин отвесила дочери пощечину, но легче от этого не стало. Столько Дней благодарения они провели в одиночестве, столько дорогих подарков доставляли им из фешенебельных магазинов на Рождество, но ни Джин, ни тем более Тана ни разу не были с ним в загородном клубе, куда он ездил с друзьями. Он не брал их с собой даже тогда, когда брал Энн и Билли.

– Он никогда не бывает с нами, даже если это важно для нас, разве ты не видишь, мам? – Крупные слезы катились по щекам дочери, и Джин пришлось отвернуться, чтобы не видеть их. Голос ее прозвучал хрипло, когда она попыталась возразить:

– Это неправда!

– Правда! Он обращается с тобой как с прислугой. Ты ведешь его домашнее хозяйство, возишься с его детьми, за что получаешь в подарок часы с бриллиантами, золотые браслеты, сумочки и духи. Что в этом проку? Где он сам? Ведь важно именно это, а не подарки.

– Артур делает то, что может, – растерянно проговорила Джин.

– Нет! Только то, что хочет. – Тана оказалась очень проницательной для пятнадцатилетней девочки. – Он пирует с друзьями в Гринвиче, ездит летом в Бал-Харбор, а зимой – в Палм-Бич, а когда отправляется в деловую поездку в Даллас, то берет с собой Джин Робертс. Разве он пригласил тебя хоть один раз на курорт или к себе домой? Почему он не показывает Энн и Билли, как много ты для него значишь? Твой Артур предпочитает приходить сюда по ночам, украдкой, чтобы я, не дай бог, ничего не узнала. Но я уже не маленькая, черт возьми!

Ее всю трясло от возмущения: слишком часто в последние годы она замечала боль в глазах матери. Джин знала, что дочь ужасающе близка к истине, а истина заключалась в том, что Артуру было удобно такое положение вещей и недоставало силы воли плыть против течения. Его страшила сама мысль, что дети узнают о его связи с Джин. Во всем, что касалось бизнеса, этот мужчина мог свернуть горы, а перед домашними проблемами пасовал. В свое время у него не хватило мужества достойно ответить Мэри на шантаж, и он пошел у нее на поводу: мирился с пьяными выходками до самого конца. Теперь то же самое повторялось с детьми. Но Джин это никоим образом не устраивало: выслушивать подобные упреки от дочери было выше ее сил, – и в ту же ночь она рассказала обо всем Артуру. У него был трудный день, и

он ограничился усталой улыбкой и ничего не значащей фразой: «Все они в этом возрасте с причудами. Ты только посмотри на моих».

Билли исполнилось всего семнадцать, но его уже дважды за год штрафовали за вождение машины в нетрезвом виде, а Энн и вовсе исключили из колледжа со второго курса. Ей было девятнадцать, и она вознамерилась отправиться с друзьями в Европу, тогда как отец хотел бы, чтобы она пожила некоторое время дома. Надеясь вразумить строптивую девицу, Джин пригласила ее на ланч, но та попросту от нее отмахнулась, заявив, что к концу года все равно добьется чего хочет.

И оказалась права: следующее лето Энн провела на юге Франции, где влюбилась в тридцатисемилетнего плейбоя-француза, сбежала с ним в Италию, вышла там замуж и забеременела. Все закончилось выкидышем, и в Нью-Йорк она вернулась с темными кругами под глазами и трясущимися руками. Ее замужество, как водится, наделало много шума в прессе. Когда Артур встретился с ее мужем, ему сделалось нехорошо. Пришлось потратить целое состояние, чтобы откупиться от зятя, а потом отправить Энн на курорт Палм-Бич, чтобы, как он сказал, «поправить здоровье». Однако, судя по всему, ее образ жизни отнюдь не был здоровым: все ночи напролет Энн развлекалась, ни в чем себе не отказывая. Артур не одобрял ее поведение, но ничего поделать не мог: в свои двадцать один год, будучи совершеннолетней, она получала огромные суммы с материнского имени, которое раньше было под опекой, и могла распоряжаться ими по своему усмотрению.

Единственным утешением для отца служило то, что Билли пока не выгнали из Принстона, несмотря на целый ряд скандалов, в которых тот был замешан. «Да уж, скучать не приходится: дети не дают ни минуты душевного покоя», – философски заключил Артур. С некоторых пор они с Джин проводили вечера в Гринвиче, в спокойной обстановке, однако на ночь она чаще всего уезжала к себе, как бы поздно ни было. Пусть его дети теперь не жили дома, ей следовало думать о Тане. Джин не могла и помыслить, чтобы провести ночь вне дома, кроме тех случаев, когда дочь ночевала у подруги или уезжала куда-нибудь на уикенд покататься на лыжах. Ей приходилось придерживаться определенных норм поведения, и это очень сердило Артура.

«В конце концов, они поступают так, как им заблагорассудится, какие бы положительные примеры ни были у них перед глазами», – говорил он ей и был по-своему прав, но не пытался отстаивать свою точку зрения слишком рьяно. Теперь он уже привык проводить ночи один, и это сообщало особую прелесть тем редким дням, когда они просыпались бок о бок в общей постели. Прежних бурных чувств уже почти не осталось, но их отношения были удобны обоим, и в особенности ему. Джин не спрашивала с него больше того, что он желал ей дать, и Артур знал, как благодарна она ему за все, что он для нее сделал: дал ощущение защищенности, чего она никогда не смогла бы испытать без него, устроил на прекрасную работу, а Тану – в приличную школу; сверх того постоянно дарил Джин драгоценности, меха, иногда брал в поездки. Ему это обходилось не слишком дорого, зато Джин Робертс теперь не нужно было собственноручно обтягивать мебель и шить себе и дочери одежду, хотя иглой она владела по-прежнему мастерски. У них с Таной была комфортабельная квартира и даже домработница, приходившая дважды в неделю.

Артур знал, что Джин любит его; он тоже ее любил, но не хотел кардинально менять свою жизнь. О браке никто из них больше не заговаривал – теперь это потеряло смысл. Его дети стали взрослыми, он в свои пятьдесят четыре года был преуспевающим бизнесменом, владельцем процветающей компании. Джин все еще влекла его, поскольку выглядела довольно молодо. Правда, в последние годы в ее облике появилось что-то от почтенной матроны, но ему нравилось в ней даже это. Оглядываясь назад, он с трудом мог поверить, что прошло уже двенадцать лет. Этой весной ей исполнилось сорок, и они провели неделю в Париже, откуда Джин привезла дочери уйму дорогих безделушек и кучу впечатлений. После такой сказки трудно

возвращаться домой, просыпаться, искать его рядом и не находить, однако так она жила уже давно и это ее не тревожило – во всяком случае, она не признавалась себе в этом. И Тана после той вспышки трехлетней давности больше не упрекала ее – напротив, чувствовала себя пристыженной: ведь мать столько сделала для нее...

«Я просто хочу, чтобы ты была счастлива. Ведь трудно быть все время одной», – объяснила она свое поведение.

«Я не одна, мое солнышко, – прослезилась Джин, – у меня есть ты». – «Это не то». – Тана обняла мать, и больше они не говорили на эту запретную тему.

Однако прежней теплоты в отношениях с Артуром у Таны теперь не было, и это расстраивало Джин. Если бы даже он и вернулся к вопросу о женитьбе, она оказалась бы в затруднительном положении, поскольку не знала, как отнесется к этому ее дочь, убежденная, что он целых двенадцать лет использовал ее мать по своему усмотрению.

А ведь они стольким ему обязаны! В отличие от Таны Джин помнила их жалкую квартиру на Восточной стороне, их более чем скудный бюджет: бывали времена, когда она не могла купить ребенку нормального мяса на обед, а сама и вовсе ела одни макароны.

Дочь с юношеским максимализмом считала, что мать всего могла добиться сама, без его помощи, ведь она столько работала! Джин, однако, вовсе не была в этом уверена, а теперь еще и боялась: боялась, что он бросит ее и придется оставить работу в «Дарнинг интернэшнл», где она была его правой рукой; боялась остаться без этой квартиры, без уверенности в себе, без автомобиля (Артур каждые два года покупал новый, чтобы она могла запросто разъезжать между Гринвичем и Нью-Йорком: поначалу это был крытый пикап, на котором она отвозила Энн и Билли с друзьями в школу и забирала обратно – так делали по очереди родители всех детей, – а в последние годы менее вместительные, но более шикарные «мерседесы»). И дело было вовсе не в том, что она гналась за комфортом и дорогими подарками, – все гораздо сложнее. Она постоянно ощущала, что Артур оказывается рядом, когда в нем есть нужда, и ей было страшно лишиться этого ощущения после стольких лет. Она не могла все в одночасье бросить, что бы ни говорила ей дочь.

– А что, если он умрет? – спросила как-то раз Тана с безжалостной прямоотой. – Тогда ты останешься одна, без работы и без квартиры. Если он тебя любит, то почему не женится?

– Мне кажется, нам хорошо и так.

Зеленые глаза дочери расширились и посуровели – точь-в-точь как у ее отца, когда он был в чем-то не согласен с Джин.

– Я так не думаю. Артур обязан тебе больше, чем ты ему. Он очень даже неплохо устроился, черт побери!

– Для меня это тоже удобно, Тана. – У Джин не было желания спорить с дочерью. – Мне не приходится приспосабливаться к чьим-то капризам. Я живу так, как мне нравится, как я привыкла жить. Он возит меня в Париж, в Лондон или в Лос-Анджелес, когда мне этого хочется. Я не могу пожаловаться на жизнь.

Они обе знали, что это лишь часть правды, но теперь уже ничего не изменить: Артур и Джин шли каждый своим путем.

Разбирая бумаги у себя на столе, она вдруг ощутила его присутствие. Так было всегда, словно когда-то давно в сердце Джин вживили радар, который мог засекал только одного человека. Неслышными шагами он вошел в ее кабинет из своего и остановился, наблюдая за ее работой. Почувствовав на себе его взгляд, она подняла голову.

– Здравствуй, – сказал Артур, и лицо его осветилось той особенной улыбкой, которая вот уже двенадцать лет предназначалась ей одной. Стоило ему увидеть Джин, как в груди теплело. – Как дела?

– Нормально.

Они не виделись с полудня, что было весьма необычно: как правило, по утрам они вместе пили кофе, потом он вывозил ее куда-нибудь на ланч. Уже много лет о них ходили сплетни, особенно после смерти Мэри Дарнинг, но в конце концов затихли: все решили, что они просто друзья, а если даже и любовники, то очень осторожные. Стало быть, и говорить не о чем.

Он сел в свое любимое кресло напротив ее стола и раскурил трубку. Запах его табака пропитывал все помещения, где он бывал, включая и ее спальню с видом на Ист-Ривер. За эти годы Джин полюбила этот запах, ставший для нее неотделимым от него самого.

– Как ты смотришь на то, чтобы провести со мной завтрашний день в Гринвиче? Давай удерем отсюда и проветримся на природе.

От него редко можно было услышать что-то подобное, но последние полтора месяца он работал очень напряженно и она подумала, что ему было бы полезно устраивать передышки почаще, однако на сей раз пришлось ответить отказом.

– Мне бы очень этого хотелось, дорогой, но, к сожалению, я не смогу: завтра у нас большой праздник.

Он часто забывал о важных датах, но она и не рассчитывала, что он должен помнить о выпускной церемонии в школе ее дочери. Артур посмотрел на нее, не понимая, о чем речь, и она с улыбкой произнесла одно-единственное слово:

– Тана...

– Ах да, конечно! – Он взмахнул рукой, в которой держал зажженную трубку, нахмурился, потом засмеялся над самим собой. – Какой же я растяпа! Что было бы, если бы ты полагалась на меня в такой же степени, как я на тебя? Наверняка все время оказывалась бы в неловком положении.

– Сомневаюсь.

Она посмотрела на него с такой нежностью, что-то такое интимное проскочило между ними, что казалось, слова теперь не нужны. И что бы там ни говорила ее дочь, в эту минуту Джин Робертс не желала ничего сверх того, что имела. С ней человек, которого она давно и преданно любила, и больше ей ничего не нужно.

– Она, наверное, сейчас полна энтузиазма, – Артур улыбнулся сидевшей перед ним уже немолодой, но еще очень привлекательной женщине с волосами, чуть тронутыми сединой, и огромными темными глазами.

Если во всем облике матери чувствовалось нечто изящное и утонченное, то дочь была выше ростом, немного угловатая, точно верблюжонок, красивая, но еще не вполне расцветшая: пройдет совсем немного времени, и мужчины будут останавливаться и смотреть ей вслед. Она выбрала себе колледж Грин-Хиллс, расположенный в самом сердце Юга, и поступила туда сама, без чьей-либо помощи. Артур не одобрял ее выбор: для девушки с Севера он казался более чем странным. Это был женский колледж, где учились главным образом местные красавицы в ожидании выгодной партии, но Тану привлекла едва ли не самая лучшая в Штатах языковая программа, великолепные лаборатории и усиленная программа по изучению изящных искусств. Она решила все сама: благодаря отличным экзаменационным результатам она имела право на полную стипендию. Все было готово к отъезду. Хоть занятия и начинались только осенью, до этого она собиралась поработать в летнем лагере в Новой Англии. Завтра у нее торжественное мероприятие в честь окончания школы – знаменательный день в ее жизни.

– Если судить по громкости звука ее плеера, – засмеялась Джин, – то она уже целый месяц пребывает в эйфории.

– И не говори! Да, совсем забыл тебе сказать: вчера звонил Билли и сообщил, что на будущей неделе приезжает домой с четырьмя друзьями. Они хотят остановиться в павильоне бассейна. Боюсь, что после них там не останется камня на камне. Благодарение Богу, они пробудут здесь всего две недели, а потом куда-то отправятся.

Билли Дарнингу было уже двадцать, и он буйствовал еще пуще прежнего, судя по тем письмам, которые присылала администрация колледжа его отцу. Джин решила, что, вероятно, это все из-за смерти матери: ему было всего шестнадцать лет, как-никак переходный возраст, – и постепенно все уляжется.

– И вот еще что: Билли собирается устроить по прибытии вечеринку и попросил поставить в известность тебя.

Джин улыбнулась.

– Сейчас запишу. Какие-нибудь особые пожелания?

Артур усмехнулся – значит, все как обычно: музыка, выпивка на две-три сотни гостей.

– Кстати, передай приглашение Тана: это ее развлечет. Она может взять с собой кого-нибудь из друзей, кто мог бы привезти и увезти ее.

– Хорошо, передам. Уверена, она будет в восторге, – заверила его Джин, хотя оба знали, что Тана терпеть не могла Билли.

Она просила дочь не выражать свою неприязнь хотя бы открыто и быть с ним полюбезнее при встречах. Теперь им опять предстоял нелегкий разговор: она просто обязана уговорить дочь быть вежливой и принять приглашение, она не имеет права забывать о его благодеяниях.

Из комнаты дочери разносились оглушительные звуки стереосистемы: Пол Анка с чувством исполнял популярный хит «Положи голову мне на плечо» по меньшей мере уже в седьмой раз, приводя Джин в исступление.

– Ты можешь пойти хотя бы ненадолго, просто из вежливости, – едва ли не выкрикнула Джин, соревнуясь в уровне децибелов с певцом.

– Что значит «ненадолго»? Час туда, час обратно. Кому это нужно – ехать в такую даль из-за десяти минут? – Тана раздраженно перекинула через плечо длинные золотистые волосы. – Оставь это, мам, я уже не ребенок! Почему я должна делать то, что не хочется? У меня могут быть свои планы на этот вечер. Через две недели я уезжаю, и мне хочется побыть со своими школьными друзьями: ведь мы расстаемся, и возможно, навсегда...

У дочери был такой несчастный вид, что Джин сказала с улыбкой:

– Мы обсудим это в другой раз.

Тана тихонько застонала: слишком хорошо ей было известно, как проходят такие обсуждения. Мать будет стоять насмерть, когда дело касается Дарнингов, даже если это Билли, который не вызывал у Таны ничего, кроме отвращения. Да и Энн не лучше брата: чванливая, надменная, сноб до мозга костей. Несмотря на светские манеры, было ясно, что она ведет распутный образ жизни: слишком много пьет, с Джин говорит как с прислугой, снисходительно-высокомерно. У Таны порой руки чесались надавать ей пощечин, но она знала, что это приведет к тяжелой стычке с матерью, что бывало уже не раз.

– Ничего не надо обсуждать: я туда не пойду!

– Но ведь до субботы еще целая неделя! Зачем принимать решение именно сегодня?

– Я все сказала...

В зеленых глазах зажглись недобрые огоньки. Джин знала, что в такие минуты ее лучше не трогать, и предпочла сменить тему:

– Что приготовить на обед?

Зная все эти испытанные тактические приемы, Тана решила поставить точку в их споре, не откладывая на потом, и последовала за матерью на кухню.

– Я достала из морозилки бифштекс, для тебя, а я сегодня обедать не буду: мы встречаемся с одноклассниками. Если, конечно, ты не возражаешь.

Девушка выглядела немного растерянной: ей хотелось самостоятельности, и в то же время она не любила оставлять мать одну. Тана прекрасно понимала, что всем обязана именно

ей, а вовсе не Артуру Дарнингу с его эгоистичными, избалованными сверх всякой меры детками.

– Не переживай: это не свидание.

Джин обернулась, с удивлением услышав в голосе дочери примирительные нотки. Тана казалась старше своих восемнадцати лет. Их связывали особые отношения: очень долго они жили одни, делили горе и радость, плохое и хорошее, никогда еще не подводили друг друга, поэтому Тана росла разумной, хотя и строптивой.

Джин улыбнулась:

– Почему нет? Я буду очень рада, если ты станешь не только встречаться с друзьями, но и ходить на свидания, моя радость. Завтра у тебя особенный день.

После торжественной части в школе они собирались пообедать в ресторане «21». Джин бывала там не иначе как с Артуром, но по случаю выпуска Таны решила, что можно позволить себе некоторые излишества. В принципе ей вообще нет нужды скаредничать: сейчас в «Дарнинг интернэшнл» ей платили несравнимо больше, чем двенадцать лет назад. Просто бережливость и стремление к экономии намертво укоренились в ее характере. За восемнадцать лет, прошедших после гибели мужа, ей пришлось многое пережить, и всю жизнь ее одолевали заботы. Анри Робертс в этом отношении был полной ее противоположностью. Тана в этом отношении походила скорее на отца: веселая и беззаботная, она относилась к жизни проще Джин, но, с другой стороны, ее было кому любить и опекать. Жизнь девушки складывалась вполне удачно, и мать порой напоминала ей, благодаря кому.

Джин достала сковородку, собираясь приготовить себе бифштекс, а Тана, тронутая сообщением, что они пойдут в такой дорогой ресторан, захлопала в ладоши.

– Я с нетерпением буду ждать завтрашнего вечера!

– А куда ты идешь сегодня?

– В «Деревню», на пиццу.

– А будут ли там мальчики, чтобы защитить в случае чего? – спросила Джин и невольно улыбнулась: порой ведь очень непросто определить, откуда исходит угроза.

Словно прочитав ее мысли, Тана засмеялась:

– Будут. Можешь не волноваться.

– На то я и мать, чтобы волноваться.

– Ты у меня слишком мнительная, но я все равно тебя люблю.

Тана чмокнула мать в щеку и исчезла за дверью своей комнаты, откуда тут же раздался ужасающий грохот стереосистемы. Джин поморщилась, но светопреставление быстро закончилось: дочь выучила проигрыватель и выпорхнула показаться матери: в белом платье в черной горошек, перетянутом черным лакированным ремнем, в черно-белых туфлях-лодочках. Джин порадовалась наступившей благословенной тишине и одновременно подумала, как тихо станет в квартире после отъезда дочери в колледж – точно в могиле.

– Ну как я тебе?

– Сама элегантность! Веселись, но слишком не задерживайся.

– Спасибо. Я буду вовремя, как всегда.

Джин улыбнулась: восемнадцатилетней дочери не установишь комендантский час, но Тана, слава богу, вела себя благоразумно.

Вернулась она в половине двенадцатого, и постучавшись в дверь ее спальни, шепнула:

– Я дома, мам.

Только теперь, успокоившись Джин легла в кровать и заснула.

Следующий день стал совершенно незабываемым для Джин Робертс. Юные выпускницы в белых платьях, с гирляндами из бело-розовых маргариток в руках, встали в ряд, позади них выстроились торжественно-серьезные юноши, и вот они запели: в унисон, звонкими и чистыми

голосами. И лица их были такие свежие, такие цветущие! Казалось, они родились не для этого мира, полного политических страстей и интриг, лжи и невежества, – всего, что ждет их за школьным порогом, что готово причинить им страдания. Джин знала, что их жизнь больше не будет такой гладкой, и слезы градом катились по ее щекам, когда все они выходили из зала и молодые голоса сплетались в общий хор – в последний раз. Из груди Джин рвались рыдания, и она не была одинока в проявлении своих чувств: плакали выпускники, плакали их матери и даже отцы...

Но приступ меланхолии прошел так же быстро, как и начался. Уже в коридоре началось настоящее вавилонское столпотворение: молодежь принялась обниматься, обмениваться пылкими поцелуями, обещаниями и клятвами, которые вряд ли смогут выполнить: часто встречаться, вместе путешествовать, не забывать... приехать скоро... на будущий год... когда-нибудь после... Джин с грустной улыбкой наблюдала за ними, в особенности за дочерью. Глаза у Таны стали как темные изумруды, лицо горело, и все они были такие возбужденные, такие счастливые, так верили в то, о чем говорили и мечтали.

Волнение Таны еще не улеглось, когда вечером они с матерью отправились в ресторан. Мало того, что заказала сплошь деликатесы, Джин преподнесла дочери сюрприз, заказав шампанское. Вообще-то ей не хотелось приучать дочь к спиртному: слишком свежа была еще в памяти судьба ее собственных родителей и Мэри Дарнинг, – но сегодня допускалось исключение.

С бокалом в руке она поздравила дочь и преподнесла ей небольшой футляр от Артура. Выбирала подарок, конечно, сама Джин, как и все другие, даже те, что предназначались его собственным детям. Тана достала великолепного плетения золотой браслет и надела себе на запястье, заметив без особого воодушевления:

– Очень мило с его стороны.

Не желая огорчать Джин, Тана больше ничего не сказала, а к концу недели проиграла решающую битву: терпение лопнуло слушать непрестанные причитания матери, и она согласилась пойти на вечеринку к Билли Дарнингу.

– Но это в последний раз. Договорились?

– В кого ты такая упрямая? Ведь тебе оказали любезность.

– Любезность? – Глаза девушки полыхнули зеленым огнем, и язык повернулся раньше, чем она успела сдержать себя: – Ах да, я ведь дочь наемной служащей. Всемогущий Дарнинг снизошел до того, чтобы пригласить Золушку на бал.

Глаза Джин наполнились слезами, а Тана удалилась в свою комнату, проклиная себя за несдержанность, но видеть, как пресмыкается мать перед Дарнингами – не только перед Артуром, но и перед Энн, перед Билли, было нестерпимо. Каждое их слово или жест воспринимаются как неслышанная милость, за которую надо униженно благодарить. Тана хорошо знала, что представляют собой вечеринки Билли: алкоголь рекой, разной степени обнаженности парочки в темных углах, приставания пьяных мажоров. Она ненавидела такие вечеринки, и эта не была исключением.

Один из друзей Таны, их с Джин сосед, привез ее в Гринвич в красном «корвете», позаимствованном у отца. Всю дорогу парень хотел произвести на нее впечатление: летел на скорости восемьдесят миль, однако не преуспел. Тана приехала на вечеринку в белом шелковом платье и белых туфлях без каблуков, в которых длинные стройные ноги смотрелись очень грациозно, когда она выходила из кабины. Перекинув золотистые локоны на спину, девушка огляделась, хотя не надеялась встретить знакомое лицо. Особенно ненавистны были ей эти вечеринки, когда Тана была еще маленькой и отпрыски Артура открыто ее игнорировали. Теперь все изменилось. К ней тут же прилипли три самоуверенных хлыща в полосатых хлопчатобумажных пиджаках и наперебой принялись предлагать то Джин с тоником, то что-нибудь еще на выбор. Она всем ответила отказом и скоро смешалась с толпой гостей. Своего спутника она

потеряла из виду и с полчаса бродила по саду одна, кляня себя за то, что поддалась на уговоры. Развязные хохочущие девицы держались группками и лихо поглощали спиртное, изо всех сил привлекая внимание молодых людей. Немного погодя загремела музыка, и дергающиеся пары заполнили танцпол. Еще через полчаса огни притушили, и разгоряченные алкоголем и танцами тела начали самозабвенно приникать друг к другу, а то и потихоньку ретировались в уголки потемнее. Только теперь Тана заметила Билли Дарнинга. Когда они подъехали, он и не подумал их встретить, и только сейчас подошел и окинул ее холодным, оценивающим взглядом. Всякий раз, когда видел Тану, он смотрел на нее так, будто приценивался, и это ужасно ее сердило.

– Привет, Билли!

– Салют! Ну и дылда ты стала!

Приветствие не вдохновило: впрочем, чего еще ждать от Билли, – а вот взгляд, остановившийся на ее груди, взбесил. Тана стиснула зубы и, чтобы не сорваться, решила продемонстрировать хорошие манеры, хотя бы ради матери:

– Благодарю за приглашение.

– Не стоит: чем больше девчонок, тем лучше.

«Ну да, кто бы сомневался! – подумала Тана. – Ведь все, что их интересует, это смазливые мордашки, титьки да задницы...»

– Что ж, зато откровенно...

Он засмеялся и передернул плечами.

– Может, пройдемся?

Она хотела было отказаться, но потом подумала: «А почему бы и нет?» Этот великовозрастный детина – старше ее на два года – держался всегда словно десятилетний ребенок, и виной тому алкоголь. Билли схватил ее за руку и потащил сквозь толпу в ухоженный сад, в дальнем конце которого находился крытый бассейн, где и расположилась его компашка.

– Ты должна посмотреть, что мы там натворили, – усмехнулся Билли и махнул рукой в сторону бассейна.

Накануне они спалили стол и два кресла, и Тана ощутила досаду при мысли, что убирать все это придется ее матери, а сверх того – успокоить Артура, когда он увидит этот вандализм. Старший Дарнинг, будучи не в состоянии выносить присутствие сына, предусмотрительно уехал на эту неделю в загородный клуб.

– Почему бы вам не попытаться не уподобляться животным? – с улыбкой поинтересовалась Тана.

Он на секунду опешил, а потом злобно выпалил:

– Дурой была – дурой и осталась! Скажешь, нет? Если бы мой предок не платил за твою частную школу, ошивалась бы сейчас в какой-нибудь шараге на Западной стороне вместе с таким же сбродом.

От изумления Тана лишилась дара речи и какое-то время просто смотрела на него, потом резко развернулась и пошла прочь, сопровождаемая язвительным смехом Билли. «Что за мерзкий тип!» – думала она, пробираясь сквозь толпу гостей.

Немного погодя она увидела парня, который привез ее сюда, но вид его не впечатлил: ширинка расстегнута, рубашка выехала из брюк, в руке – полупустая бутылка виски, – а рядом – пьяная девица, интимные части тела которой он безо всякого стыда оглаживал свободной рукой. Тана с отчаянием подумала, что этот вариант возвращения домой отпадает: она ни за что не сядет в машину с пьяным за рулем. Остается поезд. Можно, конечно, попытаться поймать попутку, но это маловероятно.

– Потанцуем?

Она удивленно обвернулась на голос и увидела... Билли. Похоже, он еще выпил: губы скривились в гаденькой улыбочке, в то время как взгляд блуждал по ее груди. Она покачала головой.

– Извини, нет.

– Мои друзья там, у бассейна, трахают девчонок. Хочешь посмотреть?

Ее замутило. Если бы все не выглядело столь омерзительно, она бы рассмеялась, вспомнив, как слепа была ее мать в своем поклонении перед непогрешимыми Дарнингами.

– Обойдусь.

– Может, ты еще целка?

Ей совершенно не хотелось продолжать этот разговор, Билли был ей противен до тошноты.

– Мне это неинтересно.

– Да брось ты! Почему нет? Это же лучше всякого спорта!

Тана быстро зашагала прочь и постаралась затеряться в толпе гостей, не понимая, почему он так упорно преследует ее в этот вечер; ей стало не по себе. Она еще раз окинула взглядом зал и, слава богу, не увидела его: скорее всего Билли присоединился к своим друзьям у бассейна, и, стало быть, появится не скоро. Ей надо поскорее вызвать такси и доехать до железнодорожной станции, чтобы успеть на поезд. Это не самый приятный вариант, но и не самый трудный. Кинув взгляд через плечо, чтобы убедиться, что за ней никто не следует, она на цыпочках поднялась по задней лестнице к телефону, о существовании которого знала. Все получилось как нельзя лучше: Тана узнала по справочной номер, вызвала такси, и ей обещали прислать машину в течение пятнадцати минут, так что времени более чем достаточно до последнего поезда. Впервые за весь вечер Тана почувствовала облегчение, избавившись наконец от пьяной компании. Она медленно шла по застланному толстым ковром коридору, разглядывая висевшие на стенах фотографии Артура, Мэри и всех их отпрысков в нежном возрасте. Внезапно ей пришло в голову, что здесь вполне может быть и фотографии Джин: она вроде бы часть их семьи, от нее в значительной степени зависело их благополучие, и было несправедливо исключать ее из семейного круга. Машинально она потянула на себя одну из дверей, зная, что эту комнату ее мать использует как кабинет, когда ей случается работать здесь. На стенах кабинета тоже были развешаны фото, но на сей раз Тане не пришлось их увидеть. Приоткрыв дверь, она услышала чей-то испуганный вскрик, увидела мелькнувшие в воздухе две белых «луны» и какую-то возню на полу. Поспешно отскочив назад, она услышала за стеной хохот и обернулась: Билли. И взгляд наглый, похотливый. Она считала, что он где-то внизу. Он что, следил за ней?

– А говорила, что не любишь подглядывать, мисс Недотрога.

– Я просто шла по этажу, вот и наткнулась нечаянно...

Тана покраснела до корней волос, а он язвительно усмехнулся:

– Зачем ты вообще-то забрела сюда?

– Здесь обычно работает мама.

– Ты ошибаешься: она работает в другом месте.

– Да нет, я помню. – Тана посмотрела на часы, опасаясь пропустить такси. Впрочем, сигнала еще не было.

– Если хочешь, я покажу тебе ее рабочее место.

Он направился по коридору в противоположную сторону, и Тана зачем-то пошла за ним. Она была уверена, что Джин пользуется именно этой комнатой, но спорить с ним не хотелось. В конце концов, он здесь живет, ему лучше знать.

– Вот здесь! – распахнул он дверь в какую-то комнату.

Тана вошла и, оглядевшись, убедилась, что это вовсе не рабочий кабинет ее матери. Большую часть помещения занимала огромная кровать под серым плюшевым покрывалом с шелковыми оборками. Кресло возле кровати было накрыто шкурой опоссума, а другое – искусственным серым мехом. Ковер тоже был серый, пушистый, с красивым рисунком.

– Очень странно! – в досаде воскликнула Тана. – Разве это не спальня твоего отца?

– Да. Это и есть рабочее место твоей матери. Большую часть времени старушка Джин пашет именно здесь.

Тане захотелось вцепиться ему в волосы и отхлестать по щекам, но она сдержалась, и ни слова не говоря, развернулась, намереваясь уйти. Билли вдруг схватил ее за руку и втащил обратно, захлопнув дверь ногой.

– Сейчас же отпусти меня, говнюк!

Тана попыталась выдернуть руку, но, к своему удивлению, обнаружила, что он сильнее, чем можно было ожидать. Билли грубо схватил ее за плечи и с силой прижал к стене, так что ей стало трудно дышать.

– А ну покажи, сучка, как работает твоя мамаша!

Он больно заломил ей руки назад. Она задыхалась, на глазах выступили слезы, но не столько от страха, сколько от бессильного гнева.

– Да что ты себе позволяешь?

Она попыталась оттолкнуть его, но он опять толкнул ее к стене, и она больно ударилась затылком. Увидев его обезумевшие глаза, она испугалась по-настоящему. А он хохотал ей прямо в лицо, как сумасшедший.

– Не будь кретином, Билли! – Голос Таны срывался от негодования и страха.

Одной рукой он стиснул оба ее запястья – она и представить не могла, какая сила таится в его руках, – а другой расстегнул молнию на ширинке и брючный ремень.

– Потрогай вот эту штуку, маленькая дрянь!

Ее лицо побелело от ужаса, она рванулась, пытаясь освободиться, но он опять ударил ее головой о стену. Она сопротивлялась изо всех сил, а он смеялся над ее беспомощностью. И тут Тану охватил панический ужас: она поняла, что происходит. Билли с силой ударял девушку головой о стену, еще и еще, пока у нее на губах не показалась тоненькая струйка крови. Раздался треск разрываемой ткани, и ее обнаженное, смуглое от загара стройное тело оказалось во власти грубых рук. Ее щипали, тискали, мяли, давили; руки были везде: на животе, на груди, на бедрах... Он слюнявил своим языком ее лицо, обдавая перегаром, а потом и вовсе засунул руку между ног. Тана вскрикнула и укусила его за шею, но он даже не обратил внимания на это. Схватив ее за волосы, он начал зверски наматывать их на кулак, пока ей не показалось, что они вырываются с корнем. Он кусал ей лицо, шею. Она молотила кулаками его по спине, пыталась пнуть коленями. Тана теперь спасала не только свою честь, но и жизнь, только силы были неравны. Обессиленную, задыхающуюся от рыданий, он повалил Тану на толстый серый ковер и сорвал с нее все, что еще оставалось, включая ажурные белые трусики. Она билась в истерике, умоляя о пощаде, а он стянул брюки и, отшвырнув их в сторону, навалился на нее всей тяжестью, пригвоздив к полу, потом резко раздвинул ей бедра. Казалось, он хотел разорвать ее на части: пальцы его впивались в плоть, раскрывая и обнажая, потом он терзал ее ртом, губами и языком. Тана страшно кричала и пыталась вырваться, а он с силой швырял ее обратно. Она была почти без сознания, когда он овладел ею. Взгромоздившись на свою полуживую жертву всем телом, он вламывался в нее снова и снова, пока наконец не достиг желанной кульминации. Она едва дышала, глаза закатились, а на сером ковре под ней расплывалось красное пятно.

Билли Дарнинг встал и, довольно усмехнувшись, принялся одеваться, глядя на свою жертву:

– Вот так, мисс Недотрога.

В эту минуту кто-то вошел в комнату.

– О господи! Что ты с ней сделал?

Тана сквозь шум в ушах, на грани забытья услышала:

– Не бери в голову! Ее мамаша – платная подстилка моего старика.

Раздался смех.

– Тогда другое дело. Похоже, вы неплохо провели время, по крайней мере один из вас. А у нее что, месячные?

– Без понятия, – равнодушно буркнул Билли, застегивая брюки.

Тана все еще лежала на полу с раскинутыми ногами, точно сломанная кукла, а они стояли над ней и смотрели. Наконец Билли наклонился и похлопал ее по щекам.

– Все, закончили! Вставай!

Тана не шевелилась, сознание почти покинуло ее. Тогда он пошел в ванную, намочил полотенце и набросил на нее, будто она была в состоянии что-то сделать. Через мгновение ее вырвало, и Билли завопил, схватив ее за волосы:

– Не смей блевать на ковер! Грязная свинья!

Он рывком поднял ее на ноги, приволок в туалет и швырнул к унитазу. Ее опять вырвало, а он перешагнул через нее и захлопнул за собой дверь. Прошел не один час, прежде чем Тана обрела способность соображать; из горла ее вырвались сдавленные рыдания... Вызванное ею такси давно ушло, на последний поезд она опоздала, но страшнее всего было другое: ее изнасиловали. Тану всю трясло, зубы стучали, во рту пересохло, к тому же страшно болела голова. Как же теперь добраться до дому? Платье разорвано, туфли перепачканы кровью. Она сидела, сжавшись в комок, на полу туалета, когда вошел Билли. Швырнув ей какое-то платье и туфли – видимо, сестры, – он пробормотал:

– Одевайся, отвезу домой.

Он был вдрызг пьян.

– А что потом? – в истерике выкрикнула Тана. – Что ты скажешь своему отцу?

Он нервно оглянулся и посмотрел в спальню.

– Про что? Про ковер?

– Про меня!

– Ну, это не моя вина, малышка! Ты сама меня спровоцировала.

Эти слова привели ее в ужас, и теперь она хотела только одного: поскорее выбраться отсюда, даже если б пришлось проделать весь путь до Нью-Йорка пешком. Схватив одежду в охапку, она резко оттолкнула его и кинулась в спальню. Нагая, с развевающимися всклокоченными волосами, с заплаканным лицом, она едва не сбила с ног приятеля Билли, который, увидев ее засмеялся:

– А вы с Билли, видать, неплохо развлеклись!

Тана окинула его диким взглядом, влетела в ванную комнату, быстро оделась и побежала вниз. Последний поезд ушел, найти такси нечего было и думать, музыканты уже уехали, и она бросилась к подъездной дорожке, не думая об оставленном разорванном платье, о сумочке. Главное – прочь отсюда. Можно остановить полицейскую машину, добраться на попутке или как-нибудь еще... Слезы застилали ей глаза, не хватало воздуха. Вдруг за спиной вспыхнули огни фар. Тана ускорила бег, инстинктивно догадываясь, что Билли едет следом. Зашуршали шины по гравийному покрытию дорожки, и она нырнула в тень деревьев. Он нажал на клаксон и закричал:

– Садись, отвезу домой!

Тана, заливаясь слезами, петляла между деревьями, а он ехал за ней. Вокруг – ни души. Наконец Тана выбилась из сил и в полной истерике выкрикнула:

– Оставь меня!

Она остановилась, присела на корточки и, рыдая, обхватила колени руками. Он вышел из машины и медленно приблизился к ней. Ночной воздух немного отрезвил его, и теперь Дарнинг уже не казался невменяемым, хотя выглядел хмурым. На месте пассажира в длинной, сверкавшей зеленым лаком спортивной машине сидел его друг и молча наблюдал за происходящим.

Билли стоял посреди шоссе, широко расставив ноги, освещенный зловещим светом фар.

– Садись в машину, малышка.

– Не смей так меня называть!

Из груди у нее рвался безудержный крик, но сил уже не осталось даже кричать, не то что бежать. Все члены ее ныли, голова раскалывалась от боли, на лице и бедрах засохла кровь. Она окинула его совершенно бессмысленным взглядом и, поднявшись, заковыляла по дороге. Он попытался схватить ее за руку, но она взвизгнула и бросилась бежать. Он постоял немного, глядя ей вслепую, и повернул обратно.

– Ну и черт с тобой! Было бы предложено. Не хочешь – не надо.

Тана шла спотыкаясь, ничего не видя перед собой и охая от боли. Минут через двадцать он опять нагнал ее. Завизжали тормоза, он выскочил из машины и схватил ее за руку. Заметив, что теперь с ним никого нет, Тана решила, что он опять намерен изнасиловать ее. Охваченная ужасом, она начала отбиваться, но он подтащил ее к машине и, осыпая бранью, втолкнул внутрь. От него опять пахло виски.

– Какого дьявола! Сказал же, что просто хочу отвезти тебя домой. Садись в эту треклятую машину и не рыпайся!

Он грубо швырнул ее на сиденье, и Тана поняла, что спорить с ним бесполезно. Они здесь одни, Билли может сделать с ней все, что захочет, он это уже доказал. Тана покорилась судьбе, и машина помчалась в ночь. Она почти не сомневалась, что он увезет ее куда-нибудь и опять изнасилует, но он свернул на автостраду. Прохладный ветерок, врывающийся в открытые окна, по-видимому, привел в чувство обоих. Он то и дело оборачивался и смотрел на нее, потом указал на коробку с бумажными салфетками.

– Возьми оботрись.

– Зачем? – произнесла Тана безжизненным голосом, глядя в одну точку.

Шел уже третий час ночи. По шоссе с шумом проносились редкие грузовики.

– Ты не можешь появиться дома в таком виде.

Она ничего не ответила, даже не обернулась. Ее не покидал страх, что он остановится и опять возьмет ее силой. Но теперь он не застигнет ее врасплох: она выбежит на шоссе и попытается остановить какую-нибудь машину. Тана все еще не могла осознать, что это произошло с ней. Теперь ее мучила мысль, уж не была ли она виновата сама: может, недостаточно сопротивлялась? Может, сделала что-то такое, что поощрило его? Думать так было невыносимо... Вдруг она заметила, что они как-то странно едут. Оказывается, Билли заснул, уронив голову на руль. Она дернула его за рукав, он вздрогнул и взглянул на нее, явно не понимая, что от него хотят.

– Проклятье! Ты нас угробишь. Просыпайся!

– Ладно. Не ори, – буркнул Билли.

Некоторое время машина шла ровно, потом опять начала вилять. На этот раз Тана не успела разбудить его: мимо них на большой скорости мчался грузовик с прицепом, и легкую спортивную машину занесло. Послышался ужасающий визг тормозов, грузовик потерял управление и перевернулся. Машина Билли, чудом не задев прицеп, врезалась в дерево. Тана ударилась о лобовое стекло и, впав в ступор, неподвижно уставилась в одну точку. К реальности ее вернул негромкий стон. Лицо Билли было залито кровью, но Тана не пошевелилась. Потом дверца распахнулась, и чьи-то сильные руки легли ей на плечи. Не помня себя от страха, она закричала. Все, что произошло этой ужасной ночью, разом нахлынуло на нее, и она потеряла контроль над собой. Рыдая как безумная, Тана порывалась бежать, но водители двух остановившихся грузовиков пытались успокоить ее и дождаться полицию. Она не воспринимала происходящее: похоже, это шок.

У Билли вся голова была в крови, глаз заплыл. Первыми прибыли полицейские, а следом за ней появилась и «Скорая помощь». Всех троих пострадавших доставили в расположенный неподалеку медицинский пункт Нью-Рошеллской больницы. Водителя грузовика отпустили

почти сразу: он пострадал значительно меньше, чем его автомобиль. Билли наложили швы на голову. В протоколе указали, что он вел машину в состоянии алкогольного опьянения, и поскольку это произошло уже в третий раз, ему грозило лишение водительских прав сроком на год, что расстроило его больше, чем разбитая голова. Тана была вся в крови, но у медиков, как ни странно, по-видимому, не возникло желания ее расспрашивать: она каждый раз впадала в истерику, едва начинала говорить. Симпатичная девушка-медсестра обтерла ее влажной салфеткой, пока Тана лежала на смотровом столе и плакала. Ей дали успокоительное, и ко времени прибытия Джин она уже почти спала.

– Что случилось, Билли?.. Боже! – воскликнула Джин, глядя на повязку у него на голове. – Надеюсь, ничего страшного?

– Надеюсь.

Он почему-то выглядел смущенным и она в очередной раз отметила, как этот юноша хорош собой, хотя больше он походил на мать, чем на отца. Внезапно лицо его исказилось, словно от испуга:

– Ты позвонила отцу?

Джин Робертс отрицательно покачала головой.

– Мне не хотелось его пугать. По телефону сказали, что с тобой все в порядке, и я решила сначала посмотреть на вас обоих сама.

– Спасибо. – Он посмотрел на спящую Тану и нервно передернул плечами. – И простите...

– За что? – изумленно посмотрела на него Джин.

– Ну, выпил... Разбил машину... все такое.

– Ерунда! Главное – что вы оба живы и не особенно пострадали.

Вид дочери Джин, конечно, смущал, хотя следов крови и не было видно. Медсестра сказала, что Тана пребывала в шоке, когда ее привезли, поэтому ей вкололи снотворное, чтобы обеспечить покой.

Джин нахмурилась.

– Она что, была пьяна?

С Билли-то все ясно, но если еще и Тана... Однако медсестра не подтвердила ее подозрений:

– Не думаю – скорее испугана. У нее на голове здоровая шишка, но ни признаков сотрясения мозга, ни повреждений в области позвоночника мы не обнаружили. В любом случае за ней надо понаблюдать.

Тана очнулась и, видимо услышав их разговор, открыла глаза и посмотрела на мать. На глаза тут же навернулись слезы, по телу прошла дрожь. Джин обняла дочь и начала утешать:

– Ну что ты, малышка... Все в порядке.

Дочь покачала головой и сквозь рыдания выдавила:

– Нет, не в порядке... Он...

Билли издал звук, похожий на рык, и слова застряли в горле. Ее душили рыдания, в голове пульсировала боль, и хотелось ей лишь одного – никогда в жизни не видеть его...

Она легла на заднее сиденье «мерседеса» матери, и Джин поехала в резиденцию Дарнингов, чтобы отвезти Билли. Прежде чем отправиться домой, ей пришлось выпроваживать последних гостей: кого-то вытаскивать из воды, кого-то – из постелей. Возвращаясь к машине, Джин сокрушенно думала, что на уборку уйдет не меньше недели. Половину мебели придется ремонтировать, менять обивку кресел, чистить ковры, пересаживать растения в другие емкости, чтобы попытаться спасти. Джин не хотела, чтобы Артур видел свой дом в столь плачевном состоянии. С тяжелым вздохом она села в машину и посмотрела на дочь. Тана находилась под действием успокоительного и безмятежно спала.

– Слава богу, не добрались до спальни Артура, – сказала себе Джин и завела мотор. Тана издала слабый звук, и мать обеспокоенно спросила: – Что-то болит, тебе плохо?

Это все, что имело значение для Джин: дети могли погибнуть. Когда в три часа ночи зазвонил телефон, это первое, что пришло ей в голову. Ей вообще тем вечером было беспокойно, словно что-то должно произойти, поэтому на звонок она ответила почти мгновенно. Предчувствие ее не обмануло.

Тана открыла глаза и тихо произнесла:

– Скорее бы домой... спать.

Из глаз ее опять полились слезы, и Джин засомневалась, что дочь не пила. Судя по всему, вечеринка была кошмарной: возможно, Тана стала невольной участницей каких-то событий. Наконец Джин заметила другое платье на дочери и удивленно спросила:

– Ты что, купалась?

Тана с трудом села, стараясь справиться с головокружением, и медленно покачала головой. Джин в зеркало видела странное выражение в глазах дочери.

– Что с твоим платьем?

Бесцветным, будто чужим, голосом Тана проговорила:

– Билли разорвал.

– То есть как? – не поняла Джин и тут же сама себе ответила: – А, наверное, он бросил тебя в воду?

Дальше этого ее воображение не простиралось – ведь речь шла о сыночке обожаемого Артура! Если даже Билли и выпил, то, по ее мнению, ничего страшного не произошло – ведь обошлось же. Это будет хорошим уроком им обоим.

Тана опять разрыдалась, и Джин пришлось съехать на обочину и напрямик спросить:

– Да что с тобой? Вроде не пила... Может, наркотики?

В ее голосе и глазах не было ничего, кроме осуждения, в то время как о Билли она говорила с материнской теплотой и заботой. Но ведь мать еще не знает, что натворил этот «замечательный мальчик».

Тана вскинула голову, посмотрела матери прямо в глаза и жестко произнесла:

– Билли избил меня и изнасиловал в спальне своего отца.

Джин Робертс пришла в ужас.

– Что ты такое говоришь? Чтобы Билли...

И опять только гнев, никакого сочувствия к своему единственному ребенку, зато полная уверенность, что сын любовника не способен на такой поступок.

– То, что ты сказала, ужасно.

«Ужасно то, что он сделал», – подумала с горечью Тана, заметив нескрываемое возмущение в глазах матери.

Две крупных слезы скатились по щекам девушки.

– И тем не менее это правда.

Тану опять колотила дрожь, голос срывался. А Джин, не в силах поверить услышанному, отвернулась и завела мотор. Больше на дочь она не смотрела.

Билли рос совершенно безобидным мальчиком: Джин знала его с десяти лет, – и непонятно, что побудило Тану обвинить его в том, чего не могло быть.

– Я не знаю, зачем ты это выдумала, но запрещаю впредь произносить подобную чушь!

Ответом ей было молчание. Тана сидела с ничего не выражающим лицом. Да, она никогда больше никому ничего не скажет. В это мгновение внутри у нее будто что-то умерло...

Глава 4

Лето пролетело незаметно. Тана провела две недели в Нью-Йорке, медленно оправляясь от пережитого кошмара. Джин, как обычно, каждый день ходила на работу, все вроде бы было как всегда, если бы не Тана: дочь ни на что не жаловалась, но могла часами сидеть, уставившись в одну точку, неизвестно о чем задумавшись. Она не виделась с друзьями, не отвечала на телефонные звонки. Наконец Джин решила поделиться своими сомнениями с Артуром. К этому времени в его доме уже был наведен порядок, а Билли со своими друзьями отправился в гости к однокурсникам в Малибу. Все помещения выглядели приемлемо за исключением спальни Артура: в самом центре большого дорогого ковра зияла дыра, явно вырезанная ножом. По этому поводу у отца с сыном был крупный разговор.

– Боже правый! Что вы за дикари? Мне следовало отдать тебя не в Принстон, а в Вест-Пойнт, чтобы вложили ума. Как можно вести себя подобным образом? Ты видел ковер в моей спальне? Кто-то испортил его напрочь.

Билли послушно выслушал отца и, как примерный сын, покаянно произнес:

– Извини, отец: немного недоглядел.

– Это называется «немного»? А машина? А вы с дочерью Робертс? Ведь уцелели лишь чудом!

Билли все сошло с рук. Синяк под глазом скоро прошел, швы сняли, и он по-прежнему гулял и пьянствовал с друзьями, только вне дома, до самого отъезда в Малибу.

– Ох уж эти детки! – ворчал Артур, слушая сетования Джин, которой казалось, что травма головы дочери была серьезнее, чем посчитали врачи.

– Похоже, сотрясение все-таки было: иначе как объяснить тот бред, что она несла.

Артур даже не попытался уточнить, что именно говорила Тана, лишь заметил:

– Надо бы ей пройти полное обследование.

Накануне отъезда в Новую Англию Джин заикнулась об этом, но Тана наотрез отказалась и спокойно собрала вещи.

Утром, как всегда, она вышла к завтраку. Лицо ее было усталым и бледным, но когда мать поставила перед ней стакан апельсинового сока, Тана улыбнулась – впервые за последние две недели, – и Джин едва не расплакалась от радости. Со дня аварии их дом походил на могильный склеп: ни голосов, ни музыки, ни смеха, ни телефонных звонков. Мертвая тишина, и потухшие глаза Таны.

– Я так переживаю за тебя, доченька.

При этих словах глаза девушки наполнились слезами, и она кивнула, не в силах произнести ни слова: их просто не осталось – ни для кого. Ей казалось, что жизнь кончена. Никогда ни одному мужчине не позволит она дотронуться до нее – это она знала наверняка. Никто никогда больше не сделает ей больно. И речь не только о боли физической. Гораздо страшнее боль от равнодушия самого близкого человека. Мать не допустила даже мысли, что нечто подобное могло произойти.

– Ты считаешь себя достаточно здоровой, чтобы поехать в лагерь?

Тана много думала об этом: можно, конечно, до конца жизни прятаться от людей, ощущая себя изгоем, жертвой насилия, которую сломали, раздавили и выбросили на свалку, – а можно гордо поднять голову, трезво взглянуть на ситуацию и вернуться к жизни. Тана выбрала последнее.

– Я в полном порядке.

Джин как-то не верилось: слишком уж спокойной, собранной, повзрослевшей выглядела дочь, как если бы травма головы положила конец ее юности. А может, испуг? Во всяком случае, столь разительных перемен за такое короткое время Джин еще не приходилось наблюдать.

Артур уверял ее, что с Билли все в порядке, он ведет себя как послушный сын, но она знала, что ко времени отъезда он уже принялся за старое: алкоголь и гулянки.

– Тана, солнышко, если почувствуешь, что тебе там нехорошо, сразу же возвращайся домой. До начала занятий в колледже надо обязательно подлечиться.

– Ничего этого не потребуется, – заверила ее дочь, надевая на плечо ремень дорожной сумки.

Как и в предыдущие два года, до места ей предстояло добираться на автобусе. Работать летом в лагере ей нравилось, однако на сей раз все было иначе. Коллеги заметили, что Тана Робертс очень изменилась: стала молчаливой, замкнутой, не улыбочливой, общалась только с детьми, а с персоналом лагеря – лишь по необходимости. Все, кто знал ее раньше, с грустью отметили эту перемену. «Видимо, что-то случилось дома», – гадали одни. «Может, заболела?» – предполагали другие. Никто не знал истинной причины.

По окончании последней смены Тана вернулась домой. В этот сезон она не завела новых друзей, даже у детей она особой популярностью не пользовалась.

Тана пробыла дома всего два дня, по-прежнему избегая старых друзей, уложила вещи и с чувством глубокого облегчения села в поезд. Ей вдруг так захотелось оказаться далеко-далеко от дома, Артура, Джин, Билли, школьных подруг. Той беззаботной девчонки, которая окончила школу три месяца назад, больше не существовало. Она стала другой: с горечью в сердце и с рубцами на душе.

По мере того как поезд уносился на юг, Тана начала понемногу возвращаться к жизни, отдаляясь от лжи и лицемерия, интриг и предательства. После случившегося все, кто раньше был ей дорог и составлял ее окружение, больше не существовали для нее. Пусть никому, кроме Джин, она ничего не сказала, но если уж собственная мать не поверила, то не захотят поверить и другие. Она бы с радостью больше никогда не возвращалась домой. Тана помнила последние слова матери: «Ты ведь приедешь на День благодарения, правда?» Ей показалось, что Джин боится смотреть ей в глаза: такая боль из них рвалась, которую мать излечить не в силах. Тана не хотела приезжать ни на День благодарения, ни после: бежать, бежать как можно дальше от их мелочной, мещанской жизни, лицемерия, от этих варваров – Билли и его друзей, от Артура, столько лет эксплуатировавшего ее мать, обманывавшего жену, – и никогда не возвращаться... никогда. Тана больше не могла это выносить.

Ей так хорошо думалось под стук колес, что стало грустно, когда поезд остановился в Йоло. Колледж Грин-Хиллс находился в двух милях от станции, и за ней прислали старенький громыхающий фургончик с седовласым водителем-негром. Он приветствовал ее широкой белозубой улыбкой, но Тана отнеслась к нему настороженно.

– Вы, наверное, долго ехали, мисс? – помогая ей укладывать в кузов сумки, спросил старик.

– Тринадцать часов.

За всю короткую дорогу до колледжа она не произнесла ни слова, пребывая в готовности выскочить из кабины и закричать, если машина остановится. Водитель уловил ее настроение и больше не предпринимал попыток завязать дружеский разговор.

Наконец они прибыли на место, и Тана приветливо улыбнулась:

– Спасибо, что подвезли.

– Пожалуйста, мисс, в любое время к вашим услугам – просто зайдите в офис и спросите Сэма. Отвезу куда захотите и все покажу. – Он усмехнулся и добавил с характерным южным акцентом: – Правда, здесь не так уж много достопримечательностей.

С самого момента приезда Тана не переставала любоваться здешней природой: высокие величавые деревья, яркие клумбы, свежая зеленая трава, настоящий на аромате цветов воздух. Хотелось идти и идти, не останавливаясь по этой траве, дышать этим душистым воздухом. Колледж произвел на нее такое впечатление, что она замерла на месте со счастливой улыб-

кой на лице: именно таким он и рисовался ее воображению. Еще прошлой зимой она собиралась приехать сюда, но не получилось и пришлось ограничиться описанием в рекламном буклете. В академическом отношении это было одно из лучших учебных заведений страны, но Тану привлекло не только это, но и окружавшие его легенды и закрепившаяся за ним репутация классического колледжа старого толка. Даже аура старомодности не отталкивала, а скорее притягивала. И теперь, глядя на симпатичные, прекрасно сохранившиеся старинные здания с высокими колоннами и красивыми балкончиками, выходившими на небольшое озеро, девушка испытывала такое чувство, что наконец-то оказалась дома.

Тана отметилась в приемной, заполнила какие-то формы, вписала свое имя в длинный список абитуриентов, выяснила, где будет жить, и в скором времени Сэм погрузил ее вещи на выдавшую виды двухколесную тележку. Тане показалось, что она совершает путешествие в прошлое, и впервые за последние месяцы ей стало легко и спокойно. Здесь не будет Джин, а значит, не придется постоянно объяснять причину плохого настроения или рассказывать, что у тебя на душе, здесь никто не будет напоминать о ненавистных Дарнингах. Здесь по крайней мере ей не придется испытывать страх: колледж женский, так что никаких танцевальных вечеров или футбольных матчей. Когда она подавала сюда документы, общественная жизнь колледжа привлекала, но теперь нет. В последние три месяца ее не влечет абсолютно ни к чему.

Шагая рядом с тележкой, она взглянула на Сэма и улыбнулась.

– Далеко вы заехали, мисс, – проговорил старый негр, широко улыбнувшись в ответ.

– Да, но зато здесь так красиво!

Она жестом указала на озеро, повернулась к белым зданиям, раскинувшимся веером. Когда-то это было богатое поместье. После реконструкции и модернизации оно обрело современный вид и содержалось в идеальном порядке.

– А знаете, мисс, раньше здесь жили плантаторы, и среди рабов был мой дед.

Сэм рассказывал свою историю сотням девушек, приезжавших сюда каждый год. Ему нравилось видеть их распахнутые от удивления глаза. Он взглянул на новенькую, шагавшую рядом: какая красавица! Ну прямо голливудская кинозвезда: стройная высокая блондинка с невысказанными зелеными глазами. Единственное, что смущало старика, это замкнутость девушки, скованность. Она явно чего-то боялась или из-за чего-то переживала.

– Вы бывали здесь раньше, мисс?

Тана как замороженная смотрела на здание, перед которым остановилась тележка, поэтому только покачала головой.

– Это и есть Жасминовый дом, одно из самых красивых наших зданий. Сегодня я уже проводил сюда нескольких девушек. Вообще-то вас здесь будет не меньше двух дюжин. В каждом здании своя наставница, так что по всем вопросам обращайтесь к ней.

Старик рассмеялся и Тана невольно улыбнулась, помогая ему выгрузить сумки. Потом он повел ее внутрь.

Оказавшись в великолепно обставленной гостиной со старинной мебелью, девушка на миг оробела. Несмотря на уют и домашнюю атмосферу, все здесь прямо-таки было так презентабельно и чинно, на всем ощущался некий налет аристократизма, что, казалось, сюда можно входить не иначе как в вечернем туалете и перчатках. Тана невольно взглянула на свою помятую клетчатую юбку, на запыленные мокасины и гольфы и смутилась еще больше. В этот момент в комнату вошла женщина в строгом сером костюме, с седыми буклями и голубыми глазами в окружении лучиков морщин. Это была их наставница Джулия Джонс, занимающая эту должность свыше двадцати лет. Единственным украшением дамы была нитка жемчуга, видневшаяся из-под жакета. Тане она напомнила этакую добрую тетюшку.

– Добро пожаловать в Жасминовый дом! Я мисс Джулия Джонс, ваша наставница. Из двенадцати домов кампуса наш самый лучший.

Дама говорила мягким голосом, на южный манер чопорно растягивая слова, и Тана, слушая ее, с радостью ощущала, что попала в совершенно другой мир, такой непохожий на прежний, привычный.

Джулия лучезарно улыбнулась девушке и предложила выпить чаю, а Сэм понес ее вещи на второй этаж. Тана присела на кушетку, взяла предложенную ей разрисованную чашку с серебряной ложечкой и, посмотрев в окно на озеро, подумала о превратностях жизни. Вот она сидит – вдали от Нью-Йорка, ото всех, кого знала раньше, – пьет чай и разговаривает с обаятельной дамой, а всего три месяца назад ей казалось, что жизнь кончена.

– ... как вы полагаете, милая? – ворвался в мысли Таны мягкий голос.

Она растерянно уставилась на мисс Джонс и сдержанно кивнула, сказав наугад:

– Да, конечно... Полностью с вами согласна...

Больше всего ей хотелось сейчас уйти в свою комнату. Слишком много всего для одного дня...

Завершив наконец ритуал чаепития, они поставили чашки на поднос, и Тана чуть не рассмеялась, вдруг подумав о том, сколько чаю пришлось выпить бедной женщине в этот день. А мисс Джонс, будто угадав желание Таны, как ни в чем не бывало поднялась и по витой лестнице повела ее показать назначенную ей комнату. Миновав два изящных пролета, они оказались в длинном коридоре с оклеенными тисненными обоями в цветочек и увешанными фотографиями выпускниц колледжа стенами. Наставница открыла дверь в самом конце коридора, и они вошли в светлую комнату с бледно-розовыми стенами и занавесками из набивного ситца. Тана окинула взглядом обстановку: две узкие кровати, два старинных шкафа и два кресла; в углу – маленькая раковина. Все просто, но очень мило и уютно.

Наставница, ревниво наблюдавшая за выражением лица Таны, осталась удовлетворена, когда та повернулась к ней с довольной улыбкой:

– Мне очень нравится.

– В Жасминовом доме все комнаты такие, – с гордостью произнесла мисс Джонс и немного погодя оставила Тану устраиваться.

Девушка села и уставилась на свои сумки, не имея ни малейшего желания распаковывать вещи. Она уже хотела было прилечь, когда раздался стук в дверь и на пороге появился старый негр с двумя чемоданами. Взглянув на нее с каким-то непонятным выражением лица, Сэм пожал плечами и произнес:

– Сдается мне, такого у нас еще не бывало.

Тана не поняла, о чем он, и хотела уточнить, но Сэм уже исчез за дверью. В принесенном им багаже не было ничего примечательного: два больших чемодана с железнодорожными бирками, синий и зеленый в клетку, чемоданчик для косметики, круглая шляпная картонка, в точности такая же как у нее самой, которую она заполнила разными мелочами. Тана медленно прошла по комнате в ожидании владелицы всех этих вещей. Представив себе бесконечную чайную церемонию внизу, она приготовилась ждать долго, поэтому ее удивило столь скорое появление соседки по комнате. Сначала вошла, постучавшись, наставница и, сделав шаг в сторону, пропустила вперед девушку-негритянку. Та, казалось, не вошла, а вплыла: настолько грациозной была ее походка. Таких красавиц Тане еще не приходилось встречать: черные как смоль волосы, стянутые на затылке, блестящие, словно бриллианты, темные глаза, немислимой белизны зубы на лице молочного-шоколада, с чертами, будто вырезанными искусным мастером, причем с таким изяществом, что оно казалось почти неземным. Ее красота была столь вызывающей, а движения – свободными, что у Таны захватило дух. Сняв ярко-красное пальто и небрежно бросив его на одно из кресел, новоприбывшая оказалась в облегающем платье из светлой ангорской шерсти, прекрасно гармонировавшем с дорогими туфлями. Она больше походила на модель из модного журнала, чем на студентку колледжа, и Тана со стыдом мысленно перебрала свой гардероб: юбки из шотландки, грубошерстные брюки, куча простых

рубашек, несколько свитеров с V-образным вырезом и два платья, которые Джин купила ей перед самым отъездом.

– Познакомься, Тана, – раздался голос наставницы. – Это Шерон Блейк, твоя соседка. Она тоже с Севера – правда, не из Нью-Йорка, а из Вашингтона, округ Колумбия.

– Привет! – ослепительно улыбнулась Шерон и протянула ей руку.

– Здравствуй! – чуть смутившись, отозвалась Тана.

– Что ж, устраивайтесь, а я оставляю вас.

Наставница перед уходом взглянула на Шерон так, будто та причинила ей физическую боль. Тана она безмерно сочувствовала, но ведь кто-то же должен делить комнату с негритянкой. Поскольку Тана будет учиться со стипендией, то есть бесплатно, наставница сочла, что поступила по справедливости. Ничего подобного в колледже Грин-Хиллс никогда еще не было, поэтому Джулия Джонс чувствовала себя не в своей тарелке. Чтобы снять ужасное напряжение, ей требовалось кое-что покрепче чая.

А наверху Шерон плюхнулась в одно из страшно неудобных кресел и с улыбкой взглянула на отливающие золотом волосы Таны. Девушки, такие разные: одна – светлокочая, другая – негритянка, – с любопытством смотрели друг на друга. Тана смущенно улыбалась, не зная, как расценить появление Шерон в колледже, где никогда не учились цветные.

– Ну и как тебе здесь? – Нежное светло-коричневое лицо вновь осветилось улыбкой. – Нравится?

– Очень!

Тана все еще немного смущалась, однако было в этой красивой девушке что-то притягательное: гордый смелый взгляд, свободные движения, никакой скованности.

– Знаешь, нам дали самую плохую комнату.

– Откуда тебе это известно? – удивилась Тана.

– Я видела другие, когда шла по коридору. – Шерон вздохнула и пылливо посмотрела на соседку. – Меня это не удивляет. А вот за какие грехи вместе со мной поселили тебя?

Шерон знала, что единственная принятая в Грин-Хиллс негритянская девушка вряд ли могла рассчитывать на теплый прием. Это был беспрецедентный случай. Для нее сделали исключение, да и то лишь потому, что ее отец – известный прозаик, награжденный Национальной премией за лучшую книгу года, лауреат Пулитцеровской премии, а мать – прокурор штата. Естественно, Шерон не чета другим негритянским девушкам – по крайней мере там считали родители и ждали от дочери неординарных поступков, хотя та ничем особенно не выделялась. Поскольку результаты выпускных экзаменов у нее были вполне приличные, Шерон могла бы поступить в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, но мать предложила ей Грин-Хиллс.

Девушка пришла в ужас: это же Юг, там не жалуют цветных, – но Мириам Блейк оставалась непреклонна. Дело в том, что мать Шерон всю жизнь боролась за права обездоленных, добивалась равноправия для всех независимо от цвета кожи, и решение отправить дочь в колледж «только для белых» было для нее делом чести. Вот так Шерон Блейк и оказалась в Грин-Хиллс, единственная черная студентка в колледже для белых.

Обо всем этом девушка поведала Тана. Они сходили на обед в главную столовую, а вернувшись, решили отдохнуть. Шерон переделалась в розовый нейлоновый халат, а Тана достала свой голубой байковый и стянула волосы резинкой в хвост.

Завалившись на узкую кровать, Шерон сказала, будто хотела ответить на незаданный вопрос:

– Мать требует от меня слишком многого. А я, может, хочу лишь одного: быть красивой и элегантной. Знаешь, после того, как окончу двухгодичный курс здесь, я думаю поступить в Калифорнийский университет.

Тана улыбнулась.

– Моя мать тоже возлагает на меня большие надежды. Единственно правильным для дочери она считает замужество. Она хочет, чтобы я проучилась здесь год-другой и вышла замуж за «приличного молодого человека».

Девушка презрительно фыркнула, давая понять, как мало ее привлекает эта перспектива, и Шерон рассмеялась.

– В глубине души все мамы считают также, даже моя, – при условии, что я пообещаю поддерживать ее взгляды. Хорошо хоть отец меня выручает. А что говорит твой?

– Своего я никогда не видела: погиб до того, как я появилась на свет. Наверное, поэтому мать так и переживает по каждому поводу. Она смертельно боится, что все вдруг пойдет не так, как надо, зубами держится за то, что называют обеспеченным положением, и от меня ждет того же. Знаешь, мне кажется, что твоя мама мне ближе по духу.

Девушки рассмеялись и принялись наперебой рассказывать забавные истории.

К концу первой недели они уже были близкими подругами: сидели рядом в аудитории, вместе ходили в столовую, в библиотеку, подолгу гуляли вокруг озера, говорили о жизни, о родителях и друзьях. Тана рассказала Шерон о связи матери с Артуром Дарнингом, начавшейся еще тогда, когда он был женат, а также о своем отношении ко всему, что ее окружало. Ей претило лицемерие, ложь во взаимоотношениях с детьми, друзьями и служащими, разврат и пьянство, жизнь напоказ. Она не могла смириться с тем, что мать работает на него вот уже двенадцать лет, как служанка, и ничего не пытается изменить.

– Знаешь, Шер, я не могу это видеть, – со слезами на глазах призналась Тана. – И самое мерзкое, что она с радостью принимает от него подачки и считает, что с ней все в порядке. Он никуда ее с собой не берет, а она, представь себе, всем довольна. Весь остаток жизни готова просидеть в одиночестве и полной уверенности, что всем ему обязана. Только вот чем «всем»? Она работает как проклятая всю жизнь, а он смотрит на нее как на мебель, а сыночек его называет ее платной подстилкой. Наверное, она все видит иначе, но меня это сводит с ума. Я не хочу находиться рядом с ними до конца своих дней и распинаться перед Артуром в благодарностях. Я всем обязана матери, но абсолютно ничем Артуру Дарнингу. Она тоже ничем ему не обязана, но так боится остаться одна...

– Мне отец ближе, чем мать, хоть я и люблю обоих.

Шерон всегда искренне выражала свои чувства, особенно с Таной, и к концу первого месяца они поделились друг с другом многими секретами, однако о своей главной тайне Тана не упоминала. Говорить об этом ей до сих пор было очень непросто.

Оставалось всего несколько дней до Хеллоуина, и Шерон ломала голову над карнавальным костюмом. Праздник Всех Святых планировалось отметить с мужским колледжем, расположенным в этом же округе.

– Ума не приложу, кем нарядиться? – Шерон лежала на кровати и озабоченно хмурила брови. – Может, черной кошкой? Или накинуть белую простыню и сделать прорези для глаз, как у куклуксклановца?

Вечеринка намечалась на территории их колледжа, так что девушки могли пойти туда одни, без сопровождения. Это было очень кстати, так как ни Шерон, ни Тана не завели пока никаких знакомств. Студентки держались от них из-за Шерон на расстоянии, хотя и вежливо. Преподаватели были холодно-любезны и старательно делали вид, что не замечают чернокожую девушку. Ее единственной подругой была Тана, и в результате тоже оказалась в изоляции, все сторонились ее. Если ты якшаешься с неграми – приготовься к положению отверженной. Шерон не раз пыталась внушить ей это, причем нарочито резко, но Тана всякий раз разгадывала ее хитрость и смеялась:

– Перестань кипятиться!

– Какого дьявола ты привязалась ко мне? Иди к своим белым! Дура набитая!

– Верно! Такая же, как и ты, то есть два сапога пара.

– Нет, пока нет! Ты одета как пугало огородное, и без моих платьев и квалифицированных советов тебе не обойтись.

– Да, – опять рассмеялась Тана, – ты права! Значит, тебе придется многому меня научить.

Девушки никогда не скучали, не ругались, смех не затихал в их комнате. Шерон – энергичная и живая, что называется, «с огоньком» – постепенно возрождала Тану к жизни. Порой они засиживались допоздна, шутили и смеялись до колик в животе. Шерон обладала хорошим вкусом: таких нарядов Тана еще никогда не видела. Поскольку девушки были примерно одного роста и сложения, спустя недолгое время их вещи перестали делиться на «твое» и «мое»: каждая надевала что хотела.

– Ну так что? Ты уже решила, какой костюм наденешь на Хеллоуин? – поинтересовалась Шерон, подув на ногти со свежим ярко-оранжевым лаком, очень эффектно смотревшимся на ее смуглых руках.

Тана равнодушно пожала плечами:

– Не знаю... надо подумать.

– Что значит «подумать»? Некогда думать, пора действовать! А может, ты не хочешь идти?

– Да, не хочу и не пойду.

– Боже правый! Но почему? – Шерон обескуражил ее ответ: Тана не была замкнутой, прекрасно реагировала на шутки, любила посмеяться. – Ты что, не одобряешь этот праздник?

– Ну почему же? Хеллоуин по-своему хорош... для детей. – Тана еще никогда не была столь серьезной, и это еще больше озадачило Шерон.

– Не будь такой букой! Да что это с тобой? Если из-за костюма, то я помогу тебе.

Она начала рыться в их совместном шкафу, вытаскивая одну вещь за другой и кидая все на кровать. Тана, однако, не проявила ни энтузиазма, ни интереса. Когда они легли и выключили свет, Шерон все-таки решила выяснить, что происходит с подругой:

– Как можно не хотеть пойти на карнавал по случаю Хеллоуина?

Шерон знала, что у Таны еще нет парня. Что касается ее самой, то поступить сюда значило обречь себя на одиночество. В колледже вообще мало кто из девушек обзаводился парнем: лишь немногие из них составляли счастливые исключения, – но и те и другие надеялись встретить на вечеринке достойных молодых людей.

– Может, у тебя дома есть постоянный друг? – уточнила Шерон, хотя Тана никогда не заикалась об этом.

Подруги обсуждали все на свете, кроме одной темы: расставания с девственностью. Шерон знала, что студентки женского колледжа обсуждали подобные вопросы взахлеб, но безошибочно чувствовала нежелание Таны даже упоминать об этом. У девушки явно была какая-то тайна.

– Да или нет, Тана?

– Ты ошибаешься... Просто нет настроения.

– Но должна же быть тому причина! У тебя что – аллергия на мужчин? Слабость в коленках? Пойдем потанцуем, а ближе к двенадцати я наряжу тебя вампиром, хотя, – на лице ее появилась озорная улыбка, – для карнавала на Хеллоуин можно придумать что-нибудь и позамысловатее.

– Не валяй дурака, Шер, – засмеялась Тана. – Просто я не хожу на вечеринки. А ты иди, и пусть тебя это не смущает. Влюбись в какого-нибудь белого парня и преподнеси сюрприз своим родителям.

Обе девушки расхохотались, потом Шерон воскликнула:

– Боже правый! Да меня сразу же вышвырнут из колледжа. Если бы миссию выбора жениха доверили нашей наставнице, она выдала бы меня за старину Сэма. – Домовая настав-

ница иногда снисходительно поглядывала на Шерон, а затем переводила глаза на Сэма, как если бы между этими двумя существовало некое родство.

– Но она же знает, кто твои родители и почему ты здесь.

Девушки продолжали болтать, но Тана старательно обходила причину нежелания идти на вечеринку. Дело кончилось тем, что Шерон оделась невероятно грациозной черной кошкой, натянув до самого подбородка плотное черное трико. Ее появление в зале вызвало кратковременный шок, а потом молодые люди наперебой стали приглашать ее на танец, и весь вечер девушка не сходила с круга. Хоть сокурсницы ее и бойкотировали, она прекрасно провела время.

Когда она вернулась, был уже второй час ночи, но ей очень хотелось поделиться впечатлениями с подругой:

– Тана, проснись, соня ты этакая!

Подруга подняла голову, открыла один глаз и пробурчала:

– Ты пришла? Ну как, хорошо повеселилась?

– Чудесно! Я танцевала весь вечер без отдыха.

– Замечательно. Давай спать!

Тана отвернулась лицом к стене, и Шерон поняла, что разговор окончен. На следующий день она сделала попытку возобновить его, но Тана опять не проявила ни малейшего интереса. Другие студентки после вечеринки начали ходить на свидания, телефон внизу не умолкал, казалось, ни на минуту. Шерон позвонил всего один молодой человек, пригласил в кино, и она приняла приглашение, но когда они пришли в кинотеатр, контролер их не пропустил, заявив:

– Здесь вам не Чикаго, друзья: это Юг.

Ее спутник мучительно покраснел, и мужчина сказал ему:

– Отправляйся-ка ты домой, сынок, и найди себе приличную девушку.

Шерон попыталась сгладить ситуацию:

– Не волнуйся, Том! Честно говоря, мне не так уж и хотелось смотреть этот фильм.

Они поймали такси и поехали обратно. Всю дорогу они молчали, и только у самого Жасминового дома она заговорила:

– Ты думаешь, я обиделась? Нисколько! Я все понимаю и уже привыкла. – Она глубоко вздохнула и слегка прикоснулась к его руке. Я знала, на что иду, когда поступала в Грин-Хиллс.

Молодой человек в недоумении взглянул на нее, не зная, как расценить эти слова. Шерон была первой темнокожей девушкой, которой он назначил свидание: она показалась ему невероятной красавицей – он таких еще не встречал.

– Ты приехала в этот занюханный городишко для того, чтобы тебя оскорблял какой-то говнюк?

– Нет, – мягко возразила Шерон. – Я здесь для того, чтобы изменить положение вещей. Во всяком случае, попытаться. Так, как сегодня, быть не должно. Все мы твари Божьи независимо от цвета кожи. Темнокожие девушки имеют право ходить в кино с белыми парнями, гулять по улицам, заходить в закусочные и посещать рестораны. Почему в Нью-Йорке это можно, а здесь нет? Пусть косятся, выражают неодобрение – ради бога! – но они выкинуть вон не могут. И единственный путь к этому – начать с малого, как сегодня.

Парень непонимающе посмотрел на нее: это что, шутка? Она же ретировалась, даже не попыталась отстаивать свои права.

Шерон поняла его и с улыбкой пояснила:

– Мне жаль, что так вышло. Будем завоевывать позиции постепенно. Сегодня дошли до входа, а на будущей неделе попытаемся войти внутрь, если ты не против. Невозможно все изменить в одночасье.

Том понимающе улыбнулся, и ей это очень понравилось.

– А почему бы и нет? Рано или поздно мы так надоедим этому монстру, что он перестанет нас выгонять. Если хочешь, можем пойти в кафе или в ресторан. . .

Возможности были безграничны, и Шерон весело смеялась. Том помог ей выйти из машины и проводил до дома. Девушка предложила зайти на чашку чая, и они некоторое время посидели в гостиной, однако взгляды, которые бросали в их сторону находившиеся там студентки, были столь неприкрыто враждебными, что даже Шерон не выдержала. Они поднялись и медленно двинулись к выходу. Лицо ее было печально. Том чутко уловил ее настроение и, прежде чем уйти, шепнул:

– Помнишь? «Невозможно все изменить в одночасье».

Он прикоснулся губами к ее щеке и вышел.

Глядя ему вслед, Шерон думала: «Как хорошо, что он это понимает».

Поднимаясь по лестнице, Шерон улыбалась: как бы то ни было, время потрачено не напрасно. Том ей понравился: умел держать удар. Интересно, позвонит ли он еще?

Тана встретила подругу с улыбкой:

– Ну и как? Куда ходили?

– В ки...нотеатр.

– Чудесно! И как фильм? Понравился?

– Спроси у кого-нибудь другого, – усмехнулась Шерон.

– Не поняла. . .

– Нас туда не пустили. Здесь не принято: белый юноша, чернокожая спутница. . . «Найди себе приличную девушку», заявил контролер Тому. – Шерон пыталась отшутиться, но Тана, увидев боль в ее глазах, нахмурилась:

– Негодяй! И что же Том?

– Он держался как надо. Мы вернулись, посидели в гостиной, но это было еще хуже. Представляешь: семь «белоснежек» сидят на диванах со своими «прекрасными принцами» и сверлят нас глазами. – Она со вздохом плюхнулась в кресло. – А ну их к дьяволу! Подходя к кинотеатру, я чувствовала себя такой смелой, такой гордой: смотрите, мол, я бросаю всем вам вызов. Нас не пустили, к тому же унизили. Мы не можем пойти даже в закусочную, чтобы поесть гамбургеров.

– Могу поручиться, что нас обслужат, если ты пойдешь вместе со мной.

У них не было необходимости питаться за пределами колледжа, поскольку кормили на убой: обе уже прибавили в весе по три-четыре фунта, к вящей досаде Шерон.

– На твоём месте я бы не стала обольщаться. Держу пари, они поднимут хай, увидев с тобой негритянку: белая есть белая, а черная остается черной, как бы ты к этому ни относилась.

– Но почему бы не попытаться? – загорелась идеей Тана, и на следующий вечер они решили привести ее в исполнение.

Девушки прогулялись по городу и зашли в закусочную, чтобы заказать по гамбургеру. Официантка окинула их долгим неприязненным взглядом и отошла, не приняв заказа. Пораженная этим, Тана жестом позвала ее снова, но женщина сделала вид, что не заметила. Тогда Тана поднялась с места, подошла к ней сама и попросила принять заказ. Официантка досадливо поморщилась и сказала вполголоса, так чтобы не услышала ее спутница:

– Мне очень жаль, милая, но я не могу обслужить твою подругу. Надеюсь, ты меня понимаешь. . .

– Но почему? Она жительница Вашингтона, – возмутилась Тана, как будто это имело какое-то значение. – Ее мать прокурор штата, а отец – известный писатель.

– Нам это без разницы. Здесь не Вашингтон, а Йолан, Южная Каролина.

– Есть у вас в городе заведения, где мы могли бы пообедать?

Женщину смутила настойчивость высокой зеленоглазой блондинки, и она взглянула на нее другими глазами.

– Она пусть пройдет дальше по улице... а ты можешь остаться здесь.

– Но мы хотим пообедать вместе! – В глазах Таны полыхало зеленое пламя: впервые в жизни она почувствовала, как по спине у нее прошла нервная судорога. Сейчас, охваченная иррациональным и бессильным бешенством, какого еще ни разу не испытывала, она могла и ударить. – Имеется ли в вашем городе заведение, где мы с подружкой могли бы поесть вместе? Или нам придется возвращаться обедать в Нью-Йорк? – Тана вперила в официантку негодующий взгляд, но та отрицательно покачала головой. – В таком случае обслужите меня – я возьму два чизбургера и две кока-колы.

– Нет, не возьмешь! – раздалось у нее за спиной. Это из кухни вышел повар. – Ты сейчас отправишься в свою треклятую шикарную школу, откуда вы обе сюда заявились. – Подруги действительно отличались от жителей Йолана: достаточно было взглянуть на броские наряды Шерон, чтобы вычислить ее принадлежность к привилегированному колледжу. – Там можете есть все, что угодно, за милую душу. Понятия не имею, что там на них нашло, но если уж они пускают к себе негритосов, то пусть их у себя и кормят в Грин-Хиллсе, а здесь на них не приготовили!

Он выразительно посмотрел на Тану, потом перевел взгляд на столик, за которым сидела Шерон. В его взгляде полыхала такая ярость, что ей на миг показалось, будто повар намерен вышвырнуть их отсюда. После той ужасной ночи она еще ни разу не испытывала такого страха.

Поняв, в чем дело, Шерон грациозно поднялась с места и сказала в своей спокойной аристократической манере:

– Идем, Тана.

Ее голос прозвучал так чувственно, что повар устремил на нее плотоядный взгляд, за что Тане захотелось дать ему пощечину: этот взгляд напомнил ей то, о чем она безуспешно пыталась забыть.

Всю дорогу до колледжа Тана возмущалась, а Шерон выглядела на удивление спокойной, поскольку ничего нового в случившемся для нее не было.

– Как странно устроена жизнь! Если бы мы с тобой куда-то зашли в Нью-Йорке или в Лос-Анджелесе, да практически в любом другом городе, никто бы и внимания не обратил, что я темнокожая, а ты белая, но здесь, в Йолане, это очень важно. Моя мать, похоже, не зря меня сюда отправила: видно, пришло время бороться за свои права. Я всегда считала, что, если мне хорошо, не обязательно думать о других, о том, что с ними происходит. И вот теперь оказалось, что эти другие – я сама.

Они медленно шли по улице, рука об руку.

– Не думаю, чтобы я когда-нибудь чувствовала себя такой беспомощной и такой злой... – тихо проговорила Тана, и вдруг перед ней всплыло лицо Билли Дарнинга. – Разве лишь однажды...

Между девушками вдруг будто протянулись незримые нити и связали их, как никогда прежде. Тане захотелось обнять подругу, защитить от невзгод, а та одарила ее теплой благодарной улыбкой.

– Когда это было, Тана?

– О, очень давно!.. – попыталась улыбнуться девушка. – Месяцев пять назад.

– Да, действительно очень давно.

Девушки рассмеялись, но как-то невесело, и продолжили путь. Постепенно Тана успокоилась, страх прошел, и она поклялась себе, что никто и никогда больше не сделает с ней того, что сделал Билли Дарнинг: она скорее умрет или... убьет.

– Наверное, это было что-то ужасное? – уловив настроение подруги, спросила Шерон.

– Ужаснее представить невозможно.

– Ты не хочешь говорить об этом?

Тана не ответила, и некоторое время они шагали сквозь серую полутьму в полном молчании. У девушки никогда не возникало желания рассказать об этом кошмаре кому бы то ни было, после того как она попыталась довериться матери, а та ее предала.

Шерон, по-видимому, ее поняла: у каждого в прошлом есть что-то такое, чем не хочется делиться. У нее тоже есть тайна, которую она хранит даже от самых близких.

– Хорошо, Тана...

Но едва она успела это произнести, как подруга обернулась к ней, и слова полились сами собой неудержимым потоком, будто прорвалась некая плотина.

– Я хочу рассказать... мне это необходимо, только не знаю, как ты к этому отнесешься. – Она ускорила шаги, так что Шерон едва поспевала за ней. Дыхание ее участилось. – История стара как мир... Через неделю после выпускного по просьбе матери... я пошла на вечеринку к сыну ее патрона, законченному негодяю... Я не хотела идти... Но мать заявила, что я не могу отказаться: мол, мне оказана такая честь... Она всегда говорит, что мы должны быть благодарны этой семейке, она прямо боготворит Дарнинга и его отпрысков.

Захлебнувшись словами, Тана все ускоряла и ускоряла шаг, будто пыталась убежать от преследовавших ее воспоминаний. Шерон шагала молча, глядя на искаженное болью лицо подруги. Наконец девушка справилась с собой и продолжила:

– Как бы то ни было, я поехала. Знакомый парень на своей машине привез меня в Гринвич на эту самую вечеринку... Все уже были пьяные, мой спутник тоже напился в стельку и уединился с какой-то девицей, а я от нечего делать пошла бродить по дому. Откуда-то появился Билли, сын Артура, и предложил мне показать кабинет, где работает моя мать... Я знала, где эта комната... – Слезы ручьями бежали по ее щекам, но она их даже не почувствовала. – Только привел он меня совсем не туда, а в спальню своего отца... Там все было серое... серый плюш, серый атлас и серый мех... даже ковер на полу...

Это были единственные запомнившиеся ей детали: бесконечный серый фон... ее кровь на полу... перекошенное лицо Билли, потом – авария... Тана не хватало воздуха, она рванула ворот рубашки и побежала, задыхаясь от рыданий. Шерон не отставала от нее ни на шаг. Осознав, что теперь не одна: рядом подруга, – она нашла в себе силы продолжить:

– Билли начал избивать меня, швырнул на пол... – Вновь ощутив ту беспомощность, то отчаяние, она остановилась и закрыла лицо руками. Сумерки огласил ее душераздирающий крик. – Я ничего не могла поделать... не сумела его остановить... – Ее тело сотрясалось от рыданий, и Шерон молча обняла подругу, крепко прижала к себе. – Он изнасиловал меня и бросил там... я была вся в крови... меня рвало... Потом он догнал меня на шоссе, заставил сесть в машину, и мы чуть не врезались в грузовик.

Внезапно Тана умолкла, лицо ее потухло: сердце опять пронзила боль. Повернув к Шерон лицо, она безжизненным голосом произнесла:

– Когда я попыталась рассказать о случившемся матери, она не захотела ни во что вникать и заявила: «Билли Дарнинг не способен на такое!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.